

НАТАЛЬЯ
КОШКА

ЭПАНЬНАЯ ЖЕНА
ДРАКОНА

Наталья Кошка

Опальная жена дракона

<https://litres.ru/74594288>

Аннотация

Десять долгих лет я скрывалась от дракона в лесах эльфов. Но вынуждена вернуться туда, откуда все началось, и не одна, а с наследником.

Тот, кого нахожу в замке, — больше не свирепый властный лорд, а жалкая тень. Полудракон-получеловек, окаменевший в собственной спальне, забытый и оставленный слугами. А я — его единственный шанс вернуться к жизни, впрочем, как и он для нас.

Если, конечно, дракон согласится признать сына...

В тексте есть:

окаменевший, но еще живой дракон
сильная героиня, что защищает сына
интриги, опасности, приключения, враги
чувство, которое спасет всех
Однотомник, ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	64
Глава 12	70
Глава 13	76
Глава 14	84
Глава 15	90
Глава 16	96
Глава 17	100
Глава 18	106
Глава 19	111
Глава 20	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Глава 1

Анабель

Ноги вязнут в глубоком, рыхлом снегу по самые щиколотки. Тяжелое бархатное платье быстро вбирает влагу, и мокрая ткань невыносимо тянет меня назад. Я то и дело подтягиваю юбки почти к груди, и от напряжения немеют руки.

Но здесь и сейчас нет места для слабости. Потому что за мной уже пустились волкодавов. Мой муж любит этих тварей больше, чем меня. Больше, чем нашего нерожденного сына...

Замираю на мгновение, чтобы набрать в легкие побольше воздуха, и затем бросаюсь вправо, к ручью. Он неширокий, но быстрый. Слишком теплая зима не сковала его льдом, но все равно температуры хватит, чтобы, вымокнув, слечь с лихорадкой. Однако раздумывать некогда: вскрикнув от холода, вступаю в поток. Ледяная вода впивается в кожу тысячами иголок, моментально намочив платье еще сильнее.

Нога уходит в сторону на мокрых камнях, и я, не удержавшись, плашмя падаю в воду, проваливаясь по самую грудь. Ужас сковывает на миг: если течение подхватит и понесет — всё кончено. А ведь я только стала привыкать к новому миру, к этому телу...

Каким-то чудом мне удастся упереться ногами в скользкое дно и, балансируя, не сорваться вниз по потоку. Выны-

риваю и принимаюсь помогать себе руками, судорожно гребя к берегу.

— Ничего, малыш! Мы прорвемся. Твой отец нас не достанет, клянусь! — бормочу, нащупывая пальцами скользкие корни прибрежных деревьев.

Цепляюсь за них изо всех сил и, дрожа от холода, выбираюсь на противоположный берег промокая насквозь.

Быстро иду вдоль кромки воды, стараясь не ступить на снег. Только вода может скрыть след, сбить с толку голодных тварей. Иначе они приволокут к ногам Шейна мой бездыханный труп. А ему только того и надо — не придется марать руки, я просто «погибну» в бегах. С едкой усмешкой представляю, как взбесится Шейн, когда псы вернутся ни с чем. Возможно, он даже сорвет злость на ком-то из них, лишь бы не на мне.

Воспоминания накатывают волной, сжимая горло. Широкая мужская ладонь на моей шее, пальцы впиваются в ключицы, а в ушах звучит яростный, полный ненависти голос:

— Не верю! Это не мой ребенок. От кого нагуляла? Признавайся!

Пальцы сжимаются, перекрывая воздух...

Трясу головой, пытаюсь стряхнуть это призрачное, ненавистное прикосновение. Ручей делает поворот, и в этом месте я снова выскакиваю на снег и бросаюсь бежать. Вой псов звучит совсем близко, но и до земель эльфов рукой подать. Лишь бы дотянуть!

Меня трясет от холода так, что зубы выбивают дробь. Бег не согревает. В боку колет нестерпимая боль, дышать нечем. Я ужасно боюсь навредить ребенку, боюсь потерять его после этого безумного рывка. Но мысль о нем — единственное, что заставляет меня двигаться вперед, когда силы уже на исходе. Он ни в чем не виноват. Виноват лишь его отец. Его непробиваемое упрямство и холод, с которым он встречал меня каждый раз, сделали жизнь в замке невозможной.

Картины прошлой жизни упрямо лезут в голову, но я решительно отмахиваюсь от них. Не сейчас. Выживу — будет время подумать и о возможной мести, и о том, как растить младенца одной. Если только эльфы не откажут мне в приюте.

Выбегаю из чащи на заснеженную поляну, и вой раздается прямо за спиной. Кажется, моя уловка с ручьем не сработала, и преследователи пересекли его следом за мной.

Впереди уже мерцает легкая магическая завеса, разделяющая мир драконов и эльфов. Я несусь к переливающемуся голубому сиянию из последних сил. Еще немного, осталось буквально несколько шагов.

Над головой рассекают воздух огромные крылья с оглушительным хлопаньем. Даже не поднимая глаз, и так всё ясно: Шейн лично прилетел, чтобы меня остановить. Ведь если я сбегу и рожу сына — через годы за меня будет кому заступиться.

— Стой-о-ой! — команда оглушает, вгрызаясь прямо в

сознание.

— Да пошел ты... к черту!

Задыхаюсь от бега, но не останавливаюсь.

— Вернись, Анабель, или пожалеешь, — снова шипит в моей голове драконий голос, больше похожий на свист спущенной автомобильной шины.

— Нет!

Делаю последний отчаянный рывок, а дракон заходит на посадку. У меня есть буквально несколько секунд.

— Пожалуйста... если меня кто-то слышит... Я прошу убежища! — бью кулаками по магическому барьеру. Но лес по ту сторону безразлично молчит.

— Умоляю вас! — в отчаянии падаю на колени, обхватывая живот. Слезы текут по лицу, потому что я уже вижу, как Шейн, приняв человеческий облик, бежит через поляну прямо ко мне. Шагает широко, размашисто. Черные глаза полыхают драконьим пламенем, а руки сжаты в кулаки.

— Мой ребенок ни в чем не виноват! Клянусь в верности вашему народу! Я никогда не предам вас и не уйду!

Голос звенит в лесной глуши. В ответ раздается лишь тишина, ледяная и равнодушная.

Выхватываю из-за пояса кинжал, который прихватила в дорогу. Он тоже принадлежит Шейну, как и всё вокруг. Раздумывать некогда: провожу лезвием по ладони и прижимаю руку к завесе.

— Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! — утыкаюсь

лбом в завесу, прошу о милосердии. Кровавый след расплывается по прозрачной поверхности.

И вдруг барьер становится мягким, а моя ладонь проваливается внутрь. Я всем телом падаю вперед, заползая за магический купол. Встать уже нет сил.

В тот же миг завесу сотрясает сокрушительный удар. Еще один, а за ним — еще и еще. Сжимаюсь в комок, прикрыв голову руками. Кажется, чары вот-вот рассыпятся, и тогда... Тогда Шейн получит меня обратно. Прикажет утопить ребенка, ведь в собственное отцовство он не верит. Кадры, один ужаснее другого, мелькают в голове.

Но снаружи ничего не происходит. По ту сторону барьера мой муж кричит, изливаясь самой грязной бранью. Ведь дракон не может войти сюда.

Он не может сюда войти!

До меня наконец доходит — я в безопасности. И мой ребенок тоже!

Громкий, исступленный смех сотрясает всё тело. Я лежу на спине на промерзлой земле и хохочу, катаясь в истерике, но не чувствую холода. Только опьяняющую, головокружительную свободу.

Я свободна! Неужели? Все эти бесконечно длинные месяцы, проведенные в этом мире, мрачные дни, наполненные страхом и непониманием... Неужели всему конец?

Смех постепенно стихает, а я с трудом поднимаюсь. Тело ломит, легкие горят, а голос сорван. Ухожу вглубь леса, не

обращая внимания на крики Шейна, которые звучат для меня как самая сладкая музыка:

— Остановись, Бель! Я приказываю! Слышишь? Не уходи! Ты не можешь просто исчезнуть! Ты — моя!

И, когда деревья уже скрывают меня, доносится его последнее, мрачное обещание:

— Я достану тебя. Клянусь, Анабель Дорс! И ты еще пожалеешь об этом...

Глава 2

Спустя десять лет

Десять долгих лет прошло с той страшной зимы. Я не буду рассказывать, как рожала в эльфийском лесу, перерезая пуповину кинжалом Шейна, и молилась, чтобы сын задышал. Как первые годы Дэл спал у меня на груди, а я не смыкала глаз — боялась, что эльфы передумают и выгонят нас обратно за завесу. Важно другое: мы выжили. И почти поверили, что нашли свой угол.

— Делориан! Дэл! Я же просила не уходить далеко! — кричу сыну, который, подражая эльфийским охотникам, застался где-то в чаще. И я в упор его не вижу.

Уши оторву, когда найду!

— Ма, я тут! — он спрыгивает с ветки прямо передо мной, пугая и меня, и нашу козочку Дирли. Та взвизгивает и несется прочь, в густые заросли малины.

— Ну вот... Теперь сам выманивай ее оттуда! — качаю головой и поднимаю с земли опрокинутую корзину с ягодами. — Ох уж этот охотничек...

— Да легко, ма!

Это его «ма»... Так и хочется шлепнуть ладонью по непослушным вихрам, чтобы хоть немного притормозил. Но ему все интересно, он несется вперед, обгоняя саму жизнь. Неутомимый непоседа! И с каждым годом мне все страшнее.

Потому что я не знаю, что случится, когда в нем проснется драконья сущность. Если он случайно поранит кого-то во время игры? Не сможет сдержать оборот и затопчет насмерть? Эльфы терпят нас, пока мы безопасны. Но если Дэл допустит хоть малейшую ошибку — нас вышвырнут в ту же секунду. Или сделают еще чего похуже.

Дэл ловко выманивает перепуганную козу, и мы неспешно возвращаемся в поселение. Тропинка вьется меж вековых дубов и старых, корявых пихт, уводя все дальше. Туда, где начинается настоящий город эльфов.

Когда впервые оказалась здесь, я была так напугана погоней и так переживала за сына, что ничего толком не рассматривала. Зато потом прониклась атмосферой этого места и... почти полюбила его. Почти.

Тропа выводит на просторную поляну, окруженную древними деревьями с серебристой корой. Кроны сплетаются высоко в небе, образуя живой купол, сквозь который льется свет заходящего солнца. Воздух пахнет хвоей, мхом и сладковатым дымом очагов.

Эльфийское поселение не похоже на людские города — здесь нет каменных стен или шумных площадей. Легкие жилища, сплетенные из живых ветвей, будто вырастают из самой земли, а стены некоторых домов покрыты цветущим плющом. Красиво. Сказочно. Только вот ни одно из этих жилищ не стало нам домом. Мы — всего лишь гости, которым не предлагают остаться навсегда и не дают забыть о статусе

беженцев.

Мы с Дэлом идем по дорожке из гладких речных камней. Вокруг царит тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев. Эльфы двигаются бесшумно, а их длинные одежды сливаются с зеленью. Многие бросают на нас быстрые взгляды — и тут же отводят глаза. Равнодушные — вот, что в них. За десять лет мы так и не стали для них своими. Они вежливо терпят наше присутствие.

— Ма, смотри! — Дэл дергает меня за рукав, указывая на высокую эльфийку с луком за спиной.

Ариэль — одна из немногих, кто проявляет ко мне подобие дружелюбности. При виде нас она делает шаг навстречу, а её длинные серебристые волосы, собранные в хвост, разлетаются по плечам.

— Твой сорванец опять сбежал? — улыбается уголками губ, поправляя колчан.

— Я не сбежал, а охотился! — возмущается Дэл, бойко выпячивая подбородок. Он терпеть не может, когда с ним разговаривают как с малышом, и изо всех сил старается казаться взрослым.

— На козу? — Ариэль насмешливо выгибает бровь.

— На все, что движется! — звонко смеется в ответ и тут же уносится прочь, к компании эльфийских детей, которые возятся у ручья.

Я смотрю им вслед и вижу, как Дэл догоняет их, обгоняет, смеется громче остальных. Но они держатся обособлен-

ной стайкой, как и всегда. Сегодня они позвали его, а завтра могут передумать. Послезавтра заметят, что он не такой как они: слишком смуглый для эльфов, слишком выносливый и сильный для простого человека.

— Он становится всё быстрее и сильнее, — тихо говорит Ариэль, наступая на большую мозоль. — Скоро превзойдёт в ловкости наших детей.

— Это меня и пугает. Что с ним будет, когда он перестанет быть просто шустрым мальчиком?

Эльфийка молчит, слишком долго и явно.

— Надеюсь, что у него все же есть настоящие друзья, — киваю в сторону ручья с тяжелым вздохом. Вздохов накопилось так много, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Дети играют вместе, — осторожно отвечает она.

— Я говорила про друзей, Ариэль.

В красивых неземных глазах Ариэль мелькает что-то похожее на сожаление.

— У эльфов нет друзей, Бель. Есть свой народ и все остальные.

Отворачиваюсь, делая вид, что наблюдаю за детской игрой, чтобы она не заметила моего огорчения.

— Пойдем, вообще-то я пришла за тобой, — Ариэль отбирает у меня корзину. Её голос снова становится ровным, беспристрастным. — Старейшина ждет тебя, Бель.

Сердце тревожно сжимается.

— Он... звал меня?

— Не бойся, — успокаивает. — Но лучше не заставлять его ждать.

— Ариэль, что случилось? — перехватываю её за руку. За десять лет я научилась различать интонации в эльфийских голосах и сейчас она явно недоговаривает.

— Духи леса шептались, о драконьей крови. О том, что лес не может укрывать чужеродное вечно, — нехотя признается и у меня в груди все замирает.

— Что это значит? — шепчу, хотя уже знаю ответ.

Ариэль качает головой:

— Старейшина расскажет сам.

Я следую за эльфийкой в самое сердце поселения, к Великому Совету — площадке под открытым небом, окруженной резными камнями с письменами предков.

И там, в центре, на троне из переплетенных древних корней, сидит он. Старейшина. Тот, кто десять лет назад разрешил мне остаться. И тот, чей взгляд сейчас холоден, как арктический лед.

Делаю шаг вперед и чувствую, как подкашиваются ноги. Десять лет назад точно так же боялась Шейна, бежала сломя голову. А сейчас... внутри все обмирает от страха, предчувствия новой беды. Боже, помоги.

Дорогие друзья!

Добро пожаловать в мою новинку:

ОПАЛЬНАЯ ЖЕНА ДРАКОНА

Главная героиня - *Анабель Дорс*

Шейн

Делориан (Дэл)

Не забудьте *добавить книгу* в библиотеку и *поставить звездочку*- таким образом вы помогаете истории найти своих читателей. Благодарю!

Листаем дальше #

Глава 3

Старейшина не смотрит на меня, его взгляд устремлён куда-то вдаль, сквозь кружево ветвей. Останавливаюсь на почтительном расстоянии и незаметно вытираю потные ладони о ткань юбки.

— Вы звали меня, Старейшина?

Он медленно поворачивает голову. Его глаза цвета старого мха наконец фокусируются на мне. В них нет жестокости или злости, только усталость и холодное безличное сожаление. И от этого почему-то становится ещё страшнее.

— К нам пришли вести из драконьих земель, Анабель, — скрипит он, не хуже крон вековых деревьев. — Твой супруг, лорд Шейн Дорс, при смерти.

Слово «супруг» неприятно царапает слух. Первые мгновения не могу осмыслить услышанное. А потом волна эмоций накрывает с головой. Это... облегчение: оглушительное, пьянящее, такое сильное, что кружится голова.

Камень, который я таскала на себе столько лет, вдруг рассыпался в прах. Угроза, нависавшая над нами с Дэлом, скоро исчезнет. Я даже не пытаюсь сдержать радостный вздох облегчения, и на губы просится улыбка — мы наконец-то будем по-настоящему свободны.

— Слава небесам... Это значит... мы можем больше не опасаться его. Он больше никогда... — слова из меня льются

бурным потоком.

Старейшина поднимает руку. Всего один жест — и я замолкаю на полуслове.

— Торжествовать рано, — сухо отрезает он. — Со смертью лорда его земли погрузятся в хаос. Наследников нет. Великие лорды уже точат когти, чтобы разорвать друг друга за право властвовать.

— Разве это плохо для эльфов? — осторожно спрашиваю, не понимая, к чему он клонит. — Пусть воюют между собой. Да пусть хоть поубивают друг друга. Защитный купол выдержит что угодно.

— Барьер не защитит от дыма горящих лесов, от рек, отравленных кровью! — Старейшина выходит из себя, и на моей памяти подобное впервые. — И не защитит от отчаяния, которое погонит орды беженцев к нашим границам.

Я молчу, пытаюсь переварить услышанное. Честно говоря, мне плевать на драконьи распри. И плевать на их политику. У меня есть сын, и я хочу только одного — чтобы он был в безопасности.

— Но и это не главное, — тихо добавляет Старейшина, и от его тона у меня холодеет всё внутри. — Ты должна вернуться к мужу, Анабель.

Сначала мне показалось, что я ослышалась. Что он несёт? Вернуться? К Шейну? Леденящий ужас мгновенно заползает в душу, стоит лишь представить его лицо.

— Вернуться? К нему?! — прикасаюсь ладонью к груди,

потому что даже одно только упоминание о прошлом причиняет боль. — Но... зачем? Вы же сами дали нам убежище! Мы с сыном приносим пользу. Я помогаю в лечебнице, а Дэл... Мы ведь никому не в тягость! Зачем возвращаться? Я... не понимаю.

Глаза увлажняются от набегающих слёз.

— Дело не в тягости, — тихо вздыхает Старейшина, совсем по-человечески. — А в том, откуда твой сын родом.

Я всё равно не понимаю. Ищу ответ на морщинистом лице старика, но оно непроницаемо, как и всегда. А его неспешность просто меня убивает.

— Деревья предков говорили со мной, Анабель. Они недовольны.

— Чем недовольны? — в моём голосе звенит истерика. — Тем, что мой сын дышит вашим воздухом? Тем, что мы занимаем вашу землю?

— Они недовольны, что среди нас поселился дракон. У каждого своё предназначение в этой жизни. Судьба Делориана не здесь, среди теней и листьев. Его судьба ждёт его там, среди его народа. Драконья кровь не будет спать вечно! — пригвождает он словами, явно недовольный тем, что всё приходится пояснять.

— Нет! — кричу, позабыв про почтение перед эльфийским Старейшиной. — Мы не можем просто уйти. Мы обязательно справимся...

— Ты думаешь, я не вижу? — жёстко обрывает меня. —

Он становится сильнее с каждым днём. Быстрее, выносливее. Его природа просыпается. А когда это случится, лес ответит. Он либо примет дракона, либо отвергнет. И я не знаю, что последует за этим. Эльфийский народ может пострадать.

Я молчу, потому что любые мои слова — ничто по сравнению с убеждённой Старейшины. Он уже всё решил за нас.

— Ты хочешь рискнуть? — продолжает Старейшина, и в его голосе появляется что-то похожее на сочувствие. — Хочешь ждать дня, когда лес решит, что чужеродное нужно уничтожить? Я не позволю этому случиться. Не здесь, не на моей земле.

— Значит, вы просто выгоняете нас? — шепчу я. — После всего?

— Я не выгоняю, — он качает головой. — Отправляю вас туда, где твой сын будет своим. Где его природа станет даром, а не проклятием.

— Своим? — выдыхаю горько. — Среди драконов? Которые убьют его за право встать во главе дома Дорсов? Которые сжигают друг друга и по менее существенным поводам?

— Он станет равным им, найдёт своё место, — упрямо талдычит он своё. — Они поддержат его, когда он впервые обернётся, и научат летать. С эльфами Делориан не сможет обрести крылья.

Стираю ладонью злые слёзы. Перед внутренним взором проносятся годы жизни здесь, и как я качала долгими ноча-

ми своего сына — маленького, беззащитного, с золотыми искрами в глазах.

— Нет, — произношу твёрдо. — Я не могу отдать Шейну сына.

— И не надо, — Старейшина встаёт, и его рост подавляет меня ещё больше. — Верни наследника землям. А сама... реши, что делать дальше. Остаться с ним или уйти. Вот твой выбор.

— Выбор, — качаю головой с кривой усмешкой. — Разве это выбор? Вы отправляете нас за завесу, и у меня нет права отказаться.

— Есть, — вдруг тихо произносит он. — Ты можешь остаться. Одна, без сына.

Эти слова меня парализуют.

— Лес примет тебя, Анабель. Ты не дракон, ты — человек. Можешь жить здесь до конца своих дней, никто тебя не тронет. Но Делориан должен уйти.

Смотрю на Старейшину и вижу: он не шутит. Он действительно даёт мне выбор. Чудовищный выбор, от которого разрывается сердце.

— Вы... правда считаете, что я смогу? — голос дрожит, срывается. — Оставить своего ребёнка? Отправить одного в мир, где его скорее всего убьют?

— Он не один, ты пойдёшь с ним. Я же сказал — ты можешь вернуться. Это твой выбор. Остаться здесь без него или идти с ним туда.

Эта убийственная логика никак не укладывается у меня в голове.

— Вы чудовище, — выдыхаю.

— Я — Старейшина, — поправляет он без тени обиды. — Мой долг — защищать свой народ. И иногда защита требует жёстких решений. Ты должна понимать это, Анабель, как мать. Ведь ты тоже готова на всё ради своего ребёнка.

Правда бьёт наотмашь. Да, я готова. Пройду любой ад, только бы Дэл был в порядке и рядом со мной.

— Сколько у меня времени? — слова кажутся бесцветными.

— Три дня. Собирайте вещи, попрощайтесь. На рассвете четвёртого дня конвой проводит вас к границе.

— К границе, — повторяю. — А дальше?

— Дальше вы сами.

Закусываю губу, чтобы не разрыдаться.

— Знаешь, дитя, я прожил больше тысячи лет. Видел, как гибли империи, как рождались и умирали боги. Я видел столько смертей, что хватило бы на десяток жизней. И научился одному: иногда единственный способ спасти — это отпустить. Ты держишь сына слишком крепко, боишься, что мир его ранит. А мир всё равно ранит. Вопрос не в том, как избежать боли, а в том, кто будет рядом, когда эта боль придёт.

Смотрю на него и не нахожу слов.

— Иди, — кивает Старейшина, возвращаясь на своё ме-

сто. — Тебе нужно многое успеть.

Разворачиваюсь и иду прочь. Ноги становятся неподъёмными колодами, и я шаркаю туфлями, как старуха. Воздух, который ещё минуту назад казался сладким и родным, обжигает лёгкие.

За спиной раздаётся тихий, почти неслышный шёпот:

— Пусть боги хранят тебя, Анабель Дорс. И твоего сына.

P.S. Аудиоверсия книги создана при помощи ИИ.

Глава 4

Ухожу прочь от Совета, не разбирая дороги. Ноги выносят меня к нашему дому — вернее, к тому, что было домом последние десять лет.

Наше жилище сплетено из живых гибких ветвей ивы, приютившееся меж двух крепких стволов. Откидываю занавесь из засушенных листьев и цветов и замираю на пороге. Обвожу глазами пространство, впитавшее наши с Дэлом тихие разговоры, счастливые мгновения и смех.

Здесь нет стен в человеческом понимании. Только лёгкие перегородки из ткани, сотканной эльфийками из паутины лесных пауков, — прочные и переливающиеся на свету, как жемчуг. Пол — утрамбованная земля, покрытая толстыми упругими циновками из осоки и озёрных трав. Они пахнут летом и солнцем даже сейчас, в подкрадывающихся сумерках.

Провожу взглядом по гамакам, подвешенным в углу: один побольше — мой, и второй, детский, из которого Дэл уже вырос, но упрямо отказывается менять. По крохотному столику из светлого дерева, на котором стоит наш сервиз из обожжённой глины нежного голубого цвета. Беру в руки заварник. Его бочок немного неровный, ручка кривовата — я лепила его сама, под присмотром старой эльфийки-гончара. Каждый изъян знаком и дорог. Провожу пальцем по гладкой

прохладной поверхности, чувствуя подушечкой едва заметный скол, который когда-то заделала смолой.

Как всё это бросить?

Это же словно отрезать часть самой себя. Каждая простая грубоватая вещь стала кирпичиком в нашей с сыном реальности. Для чего тогда было бежать? Для чего было бороться, выживать, учиться всему с нуля, притворяться... Молиться, чтобы Шейн никогда нас не нашёл? Для того, чтобы сейчас, по воле эльфийского «пророка», самой, добровольно сунуть голову в пасть льву?

Глупость. Чудовищная, нелепая глупость!

Горячая волна гнева подкатывает к горлу. Я швыряю котомку на циновку и начинаю хаотично закидывать в неё вещи: тёплый плащ, запасные рубашки, немного хлеба. Я ужасно злюсь. В первую очередь — на Старейшину. На его каменное непроницаемое лицо. На его «мудрость», которая вдруг обернулась тупым бездушным фанатизмом. Я-то считала его почти божеством, вместилищем векового разума! А он оказался просто выжившим из ума стариканом, который слушает шорох листьев больше, чем голос разума и сострадания. Что ему известно о материнском страхе? О десяти годах жизни в тени постоянной угрозы?

И злюсь на себя, на свою невезучесть. Это же надо было так попасть?! Сперва оказалась в теле злобной стервы, этой Анабель... Была вынуждена бежать, скрываться, растить ребёнка одной, вдали от цивилизации. Так теперь ещё и вер-

нуться. И куда? Снова к тирану-дракону.

Когда-то давно меня даже звали иначе. Анна. Аня, Анечка, Анютка... Девушка из русской глубинки, где никто не слышал об эльфах и драконах, не видел магии. А зимой пахло дымом печных труб и ароматной елью под Новый год. У меня была жизнь, планы, университет в областном центре, который я так и не успела окончить. А потом... случился тот самый день, перевернувший всё с ног на голову. И с тех пор я живу в постоянном страхе, бегу, прячусь. Но я так устала!

Слёзы бегут дорожками по щекам, пока я продолжаю собираться в дорогу. Мне никуда не деться от этой жестокой реальности, где я — жена холодного властного дракона, беглянка Анабель Дорс.

Прошлая жизнь почти стёрлась из памяти, как выгорает на солнце рисунок. Иногда мне кажется — а была ли она вообще? Та, другая жизнь. Может, это лишь сон, приснившийся испуганной девочке в теле драконьей жены.

Тропа, по которой нас ведут эльфийские проводники, заканчивается у самого края магического барьера. Завеса переливается передо мной, как мыльный пузырь, в котором отражается закатное небо. Десять лет назад я пролезла через него на коленях, истерически смеясь. Теперь придётся сделать шаг назад — добровольно.

— Мы не можем сопровождать вас дальше. Путь к городу свободен, — говорит один из эльфов, не глядя на меня. Его

тон бесстрастен.

Киваю, сжимая руку Дэла. Она у него горячая и чуть влажная от волнения.

— Мама, а это правда нужно? — сын с тревогой оглядывается на знакомый лес, на серебристые стволы, на лица эльфов, которые ещё недавно звались его друзьями и пришли проводить.

— Да, Дэл, правда. Всё будет хорошо, — уверенно отвечаю, а внутри — одна сплошная дрожь.

Мы выходим из-под сени деревьев, и барьер смыкается за нашими спинами с едва слышным шелестом. Воздух тут же меняется. Он становится гуще, тяжелее, тянет городскими запахами: дымом, навозом, металлом и чем-то ещё — злой чужой магией. Тот самый «аромат» драконьих земель.

Дорога к городу кажется бесконечной. Сумерки сгущаются, и вдалеке, в чаше долины, зажигаются первые огни. Это не спит город лорда Шейна Дорса.

Чем ближе мы подходим, тем сильнее Дэл сжимает мою руку, но теперь не от страха, а от невероятного захлёстывающего восторга.

— Мама, смотри! — он впервые видит настоящие каменные стены, высокие и мрачные, утыканые зубцами. — Они огромные! А это что? Подъёмный мост? Как в старых книжках.

Он никогда не видел ничего, кроме живой архитектуры эльфов. Камень для него — диковинка. А тут ещё и шум.

Грохот колёс по брусчатке, крики возниц, ржание лошадей, лай собак, сливающиеся голоса сотен людей. Из-за угла доносятся звуки какой-то ухарской неприличной песенки под дудку и бубен.

Дэл замирает, широко раскрыв глаза, впитывая звуки. Его эльфийская одежда — простой дублёный кожаный камзол и штаны, удобные для лазанья по деревьям, — здесь выглядит вызывающе чужой, почти нищенской. А моё платье из домотканой шерсти, выкрашенное в скромный лесной зелёный, на фоне бархата и парчи прохожих кажется лохмотьями.

— Дэл, тихо, — шикаю на сына, стараясь идти быстрее. — Не привлекай внимания, пожалуйста.

Но он не может. Для него всё происходящее — чудесный и безумно интересный спектакль.

— Ма, посмотри на ту лошадь! У неё железные клыки на сбруе!

— Ма, а что это за дом? Почему он такой высокий?

— Ой, пахнет пирогами! Можно купить?

Каждое его восклицание слишком эмоциональное. На нас оборачиваются случайные прохожие. Взгляды скользят по нашей простой одежде, задерживаются на лице Дэла — смуглом для местных, с непривычным разрезом глаз, унаследованным от отца, но лишённым драконьей надменности. Шёпот ползёт за нами, как змея:

«...Глянь-ка на платья... из лесу, поди...»

«И куда это они держат путь?..»

«Мужчины нет рядом... Срам!»

Ускоряюсь и тащу Дэла за собой. Пульс неприятно стучит в висках. Мои мысли мечутся, как загнанные звери.

Шейн умирает. Это наш единственный шанс. Пусть только признает его! Хотя бы перед смертью. Хотя бы кивнёт. И тогда Дэл станет законным наследником. А нас защитит закон, а не милость эльфов или прихоть драконьих лордов... Признает — и пусть сдохнет. Тогда мы...

Проходим через шумный торговый ряд, и мою мысль обрывает жёсткая реальность.

Тогда мы станем мишенью для всех, кто хочет этот самый «трон». Но назад пути нет. Только вперёд, прямо в пасть к дракону.

— Ма, ты меня слушаешь? — дёргает за руку Дэл.

— Да, солнышко, — отвечаю на автомате, пробираясь сквозь толпу к самой заметной точке города, к замку Шейна, чьи тёмные башни вонзаются в багровеющее небо.

Я проклинаяю про себя Старейшину и его «видение судьбы». Какой идиотский безумный план: заявить о правах наследника, когда наследник — десятилетний мальчик, выросший среди эльфов, а его потенциальный трон окружён голодными взрослыми драконами с армией. Мы — как два ягнёнка, которых привели на бойню, ещё и колокольчиками обвешали.

Наконец мы вырываемся на широкую почти пустынную площадь перед замком. Мост опущен, но ворота охраняет

десяток стражников в чёрных латах с чешуйчатым рисунком. Их глаза, скрытые в прорезях шлемов, холодно и оценивающе проходятся по мне.

Выпрямляю спину до хруста, отпускаю руку Дэла и делаю шаг вперёд. Вскидываю голову и произношу с той самой надменной ноткой, что была присуща Анабель:

— Я — леди Анабель Дорс, а это — мой сын Делориан. Мы вернулись, чтобы увидеться с лордом Шейном. Немедленно пропустите нас.

Глава 5

Стражники у ворот замирают. Самый старший из них, с сединой на висках, смотрит на меня так, будто увидел призрака. Его взгляд скользит по моему простому эльфийскому платью, задерживается на лице Дэла. Наконец-то он что-то соображает и отдает короткую команду одному из молодых солдат, а тот бросается вглубь двора, позвякивая доспехами и придерживая меч.

Мы стоим и ждем, пока нам позволят войти. Минута кажется вечностью. Дэл прижимается ко мне, его первоначальный восторг сменился напряженным ожиданием. Должно быть, он тоже чувствует враждебность этого места всей кожей.

Наконец, в темном проеме ворот появляется фигура. В длинном, строгом камзоле из тёмно-серой камвольной шерсти. Едва мужчина вступает в полосу света, отбрасываемого факелами, как я тут же узнаю его. Это Вайтáр, сенешаль замка. Он почти не изменился за десять лет — те же острые черты, тот же взгляд хищного грифона, выискивающего падаль.

Он останавливается в двух шагах от нас и молча, методично осматривает меня с ног до головы. Его взгляд задерживается на лице, выискивая что-то, на грубоватой коже рук, привыкших к работе, а не к тонким перчаткам. Потом его

взгляд падает на Дэла. Скатывается к его загорелым, в царапинах от веток рукам, к простой эльфийской рубашке, и наконец — к лицу. Он прищуривается, заметив то, что должно быть очевидно: высокие скулы, разрез глаз, упрямый подбородок. Черты Шейна, смягчённые мною, но от этого не менее явные.

— Леди Анабель, — наконец произносит он. Сухо и ровно, без капли приветствия. — Долго же вы отсутствовали. И выбрали интересное время для возвращения.

Интересное, то есть удобное. Или — подозрительное. В одной фразе — целое обвинение.

— Время выбирают обстоятельства, сенешаль, — отвечаю, очень стараясь, чтобы голос не дрогнул. Я здесь леди, а он — слуга. — Я привела к отцу сына. Это Делориан.

Кладу руку на плечо сыну, чувствуя, как он напрягается под тяжёлым, недобрым взглядом сенешаля. И как Шейн мог держать подле себя столько лет этого неприятного человека?

Вайтар едва заметно кивает, не выражая ни радости, ни признания.

— Лорд Шейн не принимает. Но вам, разумеется, будет предоставлен кров.

Он отступает в сторону, делая отрывистый жест страже.

— Проводите леди Анабель и... юношу. Разместите леди в её прежних покоях.

Он говорит «юноша», а не «молодой лорд». Значит, пока еще ничего не решено. Не хочет признавать Дэла хозяином.

Нас пропускают внутрь. Гулко захлопываются огромные дубовые ворота, отсекая шум города, а вместе с ним — и последние проблески того мира, где можно было дышать свободно. Замок встречает нас холодным дыханием камня, запахом воска, старой пыли и чего-то ещё — горького, лекарственного. Должно быть, Шейн и правда очень болен.

Дэл быстро адаптируется к новой реальности. Его страх снова сменяется жадным любопытством. Он крутит головой, разглядывая высокие сводчатые потолки, мрачные гобелены с драконьими битвами, тяжёлые факелы в железных кольцах.

— Ма, смотри, дракон! Настоящий! — он указывает на чучело молодой виверны, украшающее стену в одном из переходов.

— Тсс, Дэл, — шепчу, стараясь не привлечь лишнего внимания.

Нас приводят в знакомые до боли апартаменты. Тяжёлая дверь с резным драконом открывается в ту самую гостиную, где я когда-то томила от скуки и страха. Мебель та же. Даже шторы те же, только выцвели слегка. Запах узнаваем с первых нот: вощёное дерево, сухие травы в вазах и лёгкий, едва уловимый шлейф мужского парфюма — Шейна.

— Ваши покои, леди, — бесцветно произносит служанка, не поднимая глаз. — Скоро подадут ужин.

Она уже собирается уйти, взгляда указывая Дэлу следовать за ней, но я заслоняю сына собой.

— Мой сын останется со мной. Здесь.

Служанка и сопровождающий нас стражник обмениваются быстрыми взглядами.

— Молодому... господину приготовлены отдельные покои, — говорит служанка, тщательно подбирая слова.

— Ему десять лет, — произношу твёрдо, обнимая при- тихшего Дэла. — Он остаётся со мной или мы уйдём обратно в лес прямо сейчас.

Угроза пустая, и все это понимают. Но, возможно, им было приказано нас задержать. Стражник пожимает плечами, выражая всем видом, что с чудачками не спорят.

— Как пожелаете.

Служанка склоняет голову, но в её поклоне читается откровенное презрение. Наверняка она уже подумала, что у лесных эльфов я нахватаюсь дурных манер.

Они уходят, закрыв за собой дверь. Тяжёлый засов с внешней стороны щёлкает негромко, но отчётливо. Нас не заперли, конечно. Просто... обозначили.

Мы с Дэлом остаёмся одни в этой каменной коробке, полной призраков прошлого.

— Ма, почему они все так смотрят на меня? — тихо спрашивает Делориан, глядя на дверь.

— Они просто не знают тебя, солнышко. Но не бойся, всё будет хорошо, — вру и провожу ладонью по непослушным волосам. Моё сердце бешено колотится, но для сына я должна быть непоколебимой скалой.

Дэл неуверенно кивает и идёт исследовать комнату, осто-

рожно прикасаясь к безделушкам рукой. А я замираю напротив смежной двери, что ведёт в опочивальню Шейна.

Я знаю, что он сейчас там. За этой дубовой панелью, обитой стальными листами для звукоизоляции (по его же приказу), лежит тот, кто десять лет был моим кошмаром. Умирающий. Ослабленный. Безопасный.

Так почему же тогда каждый мускул моего тела напряжён до дрожи? Почему я не могу заставить себя повернуть ручку?

Потому что я не верю в его слабость. В моей памяти он неистов, силен и беспощаден. Войти к нему сейчас — значит признать, что игра началась. А я ещё не знаю правил. Не вижу всего поля. Не понимаю, кто здесь пешка, а кто — игрок.

Сначала нужно понять. Устроиться. Осмотреться. Узнать, как здесь теперь всё устроено. Кто держит власть помимо Вайтара. И узнать — почему могущественный дракон, полный здоровья и ярости, оказался прикован к постели.

Отхожу к окну и отдергиваю плотную портьеру. Во дворце эльфов окон не было, лишь зелёный простор повсюду. Здесь же — узкие бойницы, забранные свинцовыми переплётами и мутным, зеленоватым стеклом. Сквозь них открывается вид на внутренний двор замка, где при тусклом свете факелов снуют слуги, движутся патрули.

«Хорошо, — киваю своим мыслям, а в груди загорается знакомый, холодный огонёк выживания. — Сначала разведка. Потом — в логово к дракону».

Глава 6

Ужин приносят прямо в комнату. Должно быть, после того как Шейн слег, стало не для кого, да и не за чем устраивать шумные пиры в главной столовой. На подносе простая, но обильная еда: тушёное мясо с кореньями, тёмный хлеб, сыр, яблоки. Дэл ест с аппетитом, удивляясь каждому новому вкусу — специи здесь другие, совсем не лесные. Я же ем машинально, прислушиваясь к шорохам за дверью. От нервов еда комом встаёт в горле.

После ужина заходят служанки с кувшинами горячей воды. Они наполняют медную ванну, что стоит в отдельной маленькой комнатке, и ставят на стол таз с водой для умывания. Запах розмарина и полыни поднимается над водой с паром. Дэл и тут находит повод для восторга:

— Мама, смотри! Настоящая ванна! И вода такая горячая.

Для него, привыкшего мыться в прохладном ручье или вытираться мокрой тряпицей, это чудо цивилизации. Дэл с удовольствием расплескивает воду, веселится как двухлетка, и я на мгновение забываю о страхе, глядя, как его лицо светится чистой, детской радостью. Пусть хоть здесь, в этой каменной тюрьме, у него будет свой кусочек счастья.

Мне же служанка предлагает свои услуги: помочь раздеться и помыться. Отказываюсь, мотая головой: «Я сама».

Десять лет я сама таскала воду, сама готовила и штопа-

ла одежду. Тело моё стало инструментом в выживании, а не украшением. Прикосновение чужих рук к нему кажется сейчас почти оскорблением.

Когда Дэл наконец, розовый и сонный, в чистой ночной рубашке отправляется в большую кровать (и клянется, что никогда не спал на такой мягкой перине), я остаюсь одна перед большим овальным зеркалом в резной раме. Оно мутноватое, серебряная амальгама местами потемнела, но отражение все еще видно.

Я очень давно не видела собственное отражение. В лесу нет зеркал, девушкам-эльфийкам их заменяет озерная гладь. Но это не одно и то же. Потому замираю напротив, всматриваясь в черты незнакомки.

Каштановые волосы, некогда уложенные в сложные причёски, теперь заплетены в одну простую, толстую косу, переброшенную через плечо. На висках и в косе уже серебрятся отдельные нити. Но моя седина не от возраста, а скорее — от постоянного напряжения.

Лицо загорелое, кожа стала грубее, от ветра и солнца. Уголки глаз украшает тонкая, но заметная сетка морщинок — от смеха? Вряд ли. От того, что слишком часто щурилась, вглядываясь в линию горизонта, опасаясь увидеть силуэт дракона. Или от слез, которые старалась не показывать сыну.

Глаза... уставшие. Серо-зелёные, как море перед штормом. В них нет ни блеска былой леди Анабель, ни мягкости

Анны из прошлого. В них — только глубокая, звериная усталость и настороженность.

Отворачиваюсь. Не хочу видеть эту женщину. Она выглядит так, будто её десять лет таскали за собой на верёвке по камням. И это недалеко от истины.

Умываюсь быстрыми, резкими движениями, смывая с себя дорожную пыль и запахи. Вода горячая, почти обжигающая, но я не чувствую ни удовольствия, ни расслабления. Просто ритуал очищения перед очередной битвой.

Наконец, тушу свечи и укладываюсь рядом с Дэлом. Он уже спит и его ровное дыхание — единственный знакомый и безопасный звук в чужой комнате. Прислушиваюсь к тишине замка. Где-то далеко скрипит половица, воем в щели ветер. И... ничего больше. Ни шагов за дверью, ни звона оружия. Только гнетущая, мёртвая тишина драконьей крепости. Будто здесь и впрямь кто-то умирает.

Усталость, накопленная за день бесконечного напряжения, накрывает меня как тяжёлое пуховое одеяло. Мысли путаются, образы плывут. Я проваливаюсь в сон так стремительно, что даже не успеваю подумать о завтрашнем дне.

А снится мне тот самый первый день, когда я перестала быть Анной...

Глава 7

День начинался как сказка. Мы с Денисом приехали в горы, на долгожданный отдых. Для меня, выросшей в равнинной глубинке, это было путешествием на другую планету. Я радовалась всему, как ребёнок: ослепительно белым пикам, врезающимся в синее-синее небо, своему новому ярко-розовому лыжному костюму (я никогда раньше не носила ничего настолько смелого!), его тёплой, уверенной руке на моей талии. Он был моим якорем, моим героем. Денис. Сильный, весёлый, с обаятельной улыбкой, от которой у меня подкашивались ноги. Мы собирались пожениться в ближайшее время. Разве это не вершина всех возможных чудес?

Мы катались весь день. Вернее, катался он, а я больше падала и смеялась. Денис ни на секунду не оставлял меня: поправлял стойку, держал за руку на подъёмнике, украдкой целовал в замёрзшую щёку на спуске. Я купалась в его внимании, в чувстве собственной избранности. Смотрите все, этот невероятный мужчина — мой! Он выбрал меня.

К вечеру я свалилась на деревянную скамейку у подножья склона, счастливая и вымотанная. Денис принёс мне большой бумажный стакан с дымящимся шоколадом, поцеловал в лоб со словами:

— Отдохни, солнышко, я сдам инвентарь и сразу вернусь. Кивнула, уткнувшись носом в сладкий пар, и уставилась

ему вслед. Он шёл такой лёгкой, спортивной походкой... Мечта.

Но ожидание затянулось. Шоколад остыл, а Денис все не возвращался. Меня начала щекотать лёгкая тревога. Решила пойти к нашему номеру — может, он уже там.

И стала свидетельницей странной сцены.

Они стояли в укромном уголке между корпусами отеля. Она была невероятно красива. Длинные чёрные волосы, гладкие как шёлк, смуглая кожа, безупречные черты. Она говорила с ним на повышенных тонах, эмоционально размахивая руками.

— Я притащилась сюда, в эту снежную дыру, только ради тебя! Чтобы ты увидел, от чего так легко отказываешься!

И тогда, не отрывая от моего Дениса взгляда, она медленно расстегнула молнию на своём серебристом лыжном комбинезоне. Я не видела, что там, но догадаться нетрудно — под тканью не было ровным счётом ничего. Денис замер. Его взгляд прилип к ней, к этому откровенному, дерзкому жесту.

— Ты зря приехала, — голос прозвучал хрипло. Он заставил себя отвести глаза. — Я здесь с другой.

— С этой? — девушка фыркнула, и в её смешке было столько презрения, что мне стало физически больно. — С этой серой мышкой? Да я лучше её во всём! В сто раз красивее!

Моё сердце остановилось. Я затаила дыхание, вжавшись в холодную стену. Я ждала его ответа. Ждала, что он рассер-

дится, защитит меня, назовёт её сумасшедшей.

Но его голос прозвучал спокойно, вдумчиво, как если бы он рассуждал о достоинствах двух разных моделей автомобилей.

— Да, ты лучше. Бесспорно. Но она предсказуема и понятна. Она родит мне детей и не будет задавать лишних вопросов. А ты... ты вся слишком. Слишком яркая, слишком своенравная. С тобой мне придётся вечно сомневаться, гадать. Мне не нужны такие сложности. Аня — идеальная жена. Верная, покладистая. Принёс ей чашку шоколада, оставил греться на скамейке — и она уже на седьмом небе. Уверен, сейчас вернусь, а она бросится мне на шею, скажет, что уже соскучилась.

Он сделал шаг к красавице, и в его позе внезапно появилась знакомая, хищная грация.

— Хотя должен признать... в постели с тобой не сравнится никто.

И он поцеловал её. Не для показухи, не нежно. Жадно, глубоко, как целуются любовники, которые знают друг друга наизусть.

Отстранившись, он бросил на прощание:

— Возвращайся домой, Лара. Всё кончено. Я женюсь на своей простушке Анечке и этого уже не изменить.

Эти слова убили во мне что-то навсегда. Они оказались страшной измены, большее пощёчины. Я была не любимой.

Я была... удобной. Безопасным, скучным выбором. А я-то боготворила Дениса! Готова была отдать за него жизнь.

Боль стала такой невыносимой, что я перестала думать. И просто бросилась бежать прочь. Обратно, к склону. Мне нужно было скрыться, исчезнуть, только бы не видеть его сейчас. Не слышать этого снисходительного тона, не вспоминать чужой жадный поцелуй.

В слепой панике я схватила первые попавшиеся лыжи, прислонённые к стене, и, кое-как пристегнув крепления, оттолкнулась от края трассы.

Спуск в сгущающихся сумерках для новичка — самоубийство. Но я не боялась смерти. Я боялась того, что ждало меня потом: столкнуться лицом к лицу с предательством. Ветер свистел в ушах, вырывая слёзы. Я едва успевала уворачиваться от тёмных силуэтов деревьев, мелькавших по краям. Страх наконец пробился сквозь пелену отчаяния, и я попыталась затормозить, свернуть. Но скорость уже была слишком велика.

Очередной резкий манёвр — и край лыжи цепляется за что-то под снегом. Мир переворачивается. Что-то больно бьет в бок, ветка хлестко ударяет по лицу. Тёмное небо, белая земля — несколько раз сменяются перед глазами. А потом наступает тишина.

Прихожу в себя от резкой встряски. Тело болит, но как-то странно, не так, как должно болеть после падения на склоне. И грудь сдавливает, и тянет вниз грубая тяжелая ткань.

— Какую подлость ты задумала на этот раз, Анабель? — над самым ухом звучит низкий мужской голос, полный раздражения и злости.

Чья-то сильная ладонь стирает снег с моего лица и движения настолько резкие, что кожа горит.

Распахиваю глаза и вижу перед собой вовсе не Дениса. Надо мной склонился незнакомец. Его лицо жесткое, прекрасное и абсолютно чужое: презрительный холодный взгляд, нахмуренные брови, высокие скулы.

— Ты никогда не сбежишь от меня, так и знай, — цедит сквозь зубы, впиваясь цепкими пальцами мне в плечи. — Я твой муж.

И мир, который я знала до этого, разбился навсегда. И никто не мог сказать, как мне вернуться обратно.

Глава 8

Новый день в замке начинается для меня со скрежета дверного засова. Встаю с кровати, запутавшись в длинном подоле ночной рубашки, инстинктивно заслоня собой Дэла. Не позволю навредить сыну!

В дверях — всего лишь очередной стражник, имени которого не знаю. Он кивает, отводя взгляд и быстро произносит: — Леди Анабель, молодой господин... Вас приглашают разделить утреннюю трапезу в Малом зале.

Звучит не как приглашение, а приказ. Соглашаюсь на завтрак, стараясь не показать своего облегчения. Значит, нас пока не собираются убивать или бросать в темницу. И те, в чьих руках сейчас власть в этом замке — просто хотят на нас посмотреть.

Мы с Дэлом одеваемся в свою простую «эльфийскую» одежду — другой все равно нет. Я не решаюсь облачиться в те наряды, что некогда принадлежали Анабель и уже десять лет пылятся в шкафу. Это как снова влезть в ее кожу, притворяться кем-то, кем не являюсь. Заплетаю волосы чуть тщательнее, укладывая косу вокруг головы. Я должна выглядеть достойно, расположить к себе надменных скряг. Мельком бросаю взгляд в зеркало. Лицо в утреннем свете кажется все еще уставшим. Плохо.

Малый зал оказывается именно таким, каким я его запом-

нила: с низкими сводами, с мрачноватыми стенами, обшитыми темным дубом. Здесь Шейн любил держать совет с приближенными.

Стол уже накрыт: серебряные кубки, фаянсовые тарелки, окорока, сыры, горы свежего хлеба. И за столом — они.

Я узнаю почти всех присутствующих. Лица за десять лет стали жестче, в глазах — больше цинизма. Вот господин Асмун Берг, главный по снабжению армии, всегда с циферками в голове. Леди Хедлунд — вдова одного из командиров, чей острый язык и сеть сплетен заменяют ей реальную власть. Сенешаль Вайтар во главе стола, конечно. И другие здесь: военные, управители земель. Костяк режима Шейна, который пока ещё держится.

Все разговоры смолкают, когда мы подходим ближе. Я подбадриваю сына взглядом, чтобы не вздумал смущаться под десятком пар глаз, впивающихся в кожу. Он здесь хозяин и остальным придется с этим смириться.

— А-а-а, а вот и наша давно потерянная леди со... спутником, — произносит леди Хедлунд, сладко улыбаясь. Её взгляд, как лезвие бритвы, скользит по мне и простой рубашке Дэла. — Вижу, лесной воздух пошёл вам на пользу. Выглядите... крепкой.

В одну фразу она умудряется вместить столько яда и сарказма, что даже сидящие вокруг нее мужчины — прячут ухмылки. На это я лишь сильнее выпрямляю спину.

— Спасибо за приглашение, — киваю нейтрально и ве-

ду Дэла к двум свободным местам в центре стола, напротив Вайтара.

Завтрак проходит в мучительной, наполненной подтекстами тишине, прерываемой лишь тихими репликами о погоде или состоянии виноградников. Едят мало, пьют много. Все ждут от меня следующего шага.

И я понимаю: момент настал. Ждать милости или расположения — смерти подобно. Здесь ценят силу, даже если это сила идет от отчаяния.

Откладываю нож в сторону, и звук серебра о фаянс кажется невероятно громким. Все взгляды снова концентрируются на мне.

— Я думаю, всем здесь известно, кто мы и зачем вернулись, — мой голос уверенно разлетается над столом и растворяется в тенях по углам. Для страха не время и не место. — Мой муж при смерти, а земли не могут долго пустовать без хозяина. Я заявляю права моего сына Делориана на наследование титула, земель и власти его отца. Он — законный наследник.

Тишина становится абсолютной. Даже Дэл замирает, широко глядя на меня. Он всё понимает, хотя мы никогда не обсуждали его происхождение вслух. Так, только некоторые отдельные моменты.

Первым нарушает молчание Берг. Он тяжело вздыхает, постукивая пальцами по столу.

— Законность... вещь спорная, леди Дорс. Вы сбежали,

покинули мужа. Ребёнок родился в изгнании, среди эльфов. Доказательства отцовства... отсутствуют.

— Взгляните на него, — холодно возражаю, — разве здесь нужны другие доказательства?

Теперь все смотрят на Дэла. Он краснеет, но не опускает глаз, встречая тяжёлые взгляды с той же упрямой настороженностью, что и его отец. Сходство в этот момент просто поразительное.

— Внешнее сходство не закон, — поджимает губы Вайтар, наконец вступая в разговор. — Это лишь повод для... рассмотрения кандидатуры.

Он обводит взглядом стол. Я вижу, как господа переглядываются. Вижу холодный расчёт в их глазах и понимаю: они боятся. Конечно, не меня или сына. Они опасаются других драконьих лордов, которые наверняка уже стягивают войска к нашим границам. Боятся, что, когда Шейн умрёт, придут новые хозяева и сметут их — старую гвардию, слишком долго бывшую у власти. Им нужен легитимный повод, чтобы остаться. Марионетка, которой они смогут с легкостью управлять. Вот только им не стоит забывать обо мне.

— Юноша... Делориан... может быть признан, — медленно цедит слова леди Хедлунд, перебирая четки. — Если будет доказана его принадлежность к роду.

— И как вы предлагаете это сделать? — раздражаюсь в ответ на ее медлительность и насмешку.

— Есть только один способ, — за нее отвечает Вайтар, —

лорд Шейн должен признать сына перед смертью. Публично или перед подходящими свидетелями. Его слово — закон. Без него, — он разводит руками, — мальчик всего лишь ещё один претендент с сомнительной родословной. И тогда никакие наши, кхм, благие намерения не смогут ему помочь. Это ясно?

О, ну разумеется! Кристально, предельно понятно!

Их позиция мне ясна: они готовы принять Дэла как пешку в своей игре, которой они будут управлять. Но для этого нужно, чтобы умирающий дракон кивнул. Иначе они не станут рисковать, связываясь с «эльфийским выкорышом»!

Сжимаю ладони в кулаки, сдерживая рвущуюся наружу злость. Ненавижу эти лица — закрытые, прагматичные, жестокие. И понимаю, что альтернативы все равно нет. Либо я выбью из Шейна признание, либо мы с Дэлом обречены. Нас сметут вместе с остальными. Или поступят куда хуже: выдадут «конкурентам», чтобы купить себе пощаду. По спине пробегает мороз от подобных перспектив.

— Я поняла вас, — в моём голосе звучит ледяное спокойствие, которого не ощущаю, — и добьюсь признания мужа.

— Желаем удачи, леди, — говорит сенешаль, и мне во всем мерещится едкий сарказм. — Время, как вы понимаете, работает против всех нас.

Завтрак продолжается, но я уже ничего не слышу. В ушах звенит от напряжения. Мне придется войти в спальню к дракону, даже если это последнее место, куда я хотела бы по-

пастъ.

Глава 9

Анабель. Спустя несколько дней

Я откладываю встречу на еще один день. А потом — ещё один. Выслушиваю рассуждения Вайтара о состоянии границ (там все шатко), изучаю распорядок замка (мертвенно-размеренный, бесящий меня и не подходящий для юного наследника), наблюдаю за слугами (они все напуганы грядущей угрозой). Делаю всё, что угодно, лишь бы не приближаться к двери, ведущей в покои ненавистного супруга.

Но в конце концов, утром третьего дня, отчаянная ярость на саму себя пересиливает страх. Я не могу вечно прятаться. Каждый день промедления наши враги используют на то, чтобы укрепиться. И каждый новый день приближает Шейна к смерти без нужного слова.

Оставляю Дэла с нанятым старым писцом, который учит его основам драконьей геральдики. «Пусть привыкает к своему будущему статусу», — снизошел Вайтар, и в его тоне мне почудилось совсем другое: «пусть учится быть подходящей картинкой».

И вот я стою перед дубовой дверью в покои лорда. Рука сама тянется к тяжелой железной скобе, но замирает в сантиметре от неё. Сердце бьётся так, будто хочет вырваться из груди и убежать обратно в лес. Я вспоминаю пальцы мужа на своей шее. Холод его голоса. Бешеную ярость в глазах.

— Ради Дэла, — шепчу я себе. — Всё это ради его будущего.

Тяну за скобу. Дверь, вопреки ожиданиям, открывается бесшумно — петли хорошо смазаны. И я захожу внутрь.

Запах ударяет в нос первым. Не запах болезни в человеческом понимании. Это густая, тяжёлая смесь: вонь немытого тела, прелой крови, горькой полыни и... серы. Слабый, но отчётливый запах драконьей магии, тлеющей изнутри.

Комната погружена в полумрак. Шторы плотно задёрнуты. Единственный свет пробивается от камина, где тлеют угли, да от магического кристалла в железной клетке на столе — он светится тусклым, больным синим светом.

И в центре этого мрака, в огромном, похожем на трон кресле у потухшего камина, сидит Оно.

Сначала я думаю, что это статуя. Чудовищная, прекрасная скульптура из тёмного камня и потрескавшейся кожи. Потом замечаю слабое движение — едва уловимое расширение грудной клетки. Вдох. Выдох.

Делаю шаг ближе, и картина складывается в жуткую целостность.

Это Шейн. И это — не он.

Его тело застыло в неестественной, напряжённой позе. Правая половина — ещё человек. Обнажённый торс, покрытый старыми шрамами и новыми, странными, будто треснувшими, отметинами. Рука, сжимающая подлокотник, — человеческая, но кожа на ней потемнела, стала грубой, как че-

шуя.

Левая половина... преобразена. Плечо раздулось, покрылось чёрными, поблёскивающими вполсилы роговыми пластинами. Рука превратилась в нечто среднее между конечностью и лапой, с длинными, искривлёнными когтями, вросшими в дерево кресла. На щеке и виске — те же тёмные наросты, будто каменная болезнь ползёт по его лицу, пытаясь поглотить целиком.

Он зарос и это даже не борода, что-то дикое, спутанное, в котором, кажется, застряли щепки и пыль. Волосы, некогда чёрные как смоль, спутались в грязные космы с проседью, падающие на пустые глаза.

И эти глаза... Они открыты. Смотрят в пустоту перед собой. В них нет ни мысли, ни узнавания, ни даже животной ярости. Они — как два потухших окна в доме, где уже никто не живёт. В них отражается только мерцание синего кристалла.

Он не просто болен. Он окаменел! Застрял на полпути между формой человека и дракона, и ни та, ни другая не может взять верх. Он похож на жутковатое изваяние, в котором по воле какой-то ужасной магии всё ещё теплится жизнь. Дыхание вырывается из его полуоткрытого рта тихим, хриплым звуком, похожим на шелест сухих листьев.

— Шейн? — зову шепотом и по спине бежит мороз.

Никакой реакции. Ни вздрагивания, ни поворота взгляда. Только то же размеренное, сиплое дыхание.

Я стою и смотрю на этого поверженного титана, и во мне борются самые противоречивые чувства. Облегчение — он действительно не опасен. Не сможет сейчас вскочить и схватить меня. Ужас — от того, во что он превратился. И какая-то леденящая, щемящая жалость, которой я не ждала от себя. Так падают и умирают в одиночестве могучие звери. Даже если этот зверь был твоим учителем.

Я делаю ещё шаг. Моя тень падает на него, но зрачки никак не реагируют. Я медленно поднимаю руку и осторожно, кончиками пальцев, касаюсь его человеческого плеча. Кожа обжигающе горячая и сухая, как раскаленный кирпич.

Но Шейн все так же неподвижен.

Поспешно отдергиваю руку. Моя задача ясна, как никогда. Чтобы он признал Дэла, ему нужно вернуться. Хотя бы на мгновение. Мне нужно вытащить его из этой каменной пустоты.

Обвожу взглядом комнату. Грязь, пыль, пустые кувшины из-под воды и лекарств в углу. Никто толком не ухаживает за ним. Держат, как зверя в клетке, пока сам не издохнет.

План, холодный и практичный, рождается в голове за секунды. Я не буду его выхаживать из любви или долга. Я приведу его в порядок, чтобы он мог выполнить одну-единственную функцию — произнести нужные слова. После этого... После этого он может снова погрузиться в свой каменный сон. Уже навсегда.

Перед уходом бросаю еще один взгляд на фигуру в кресле:

это займёт куда больше времени, чем я думала.

Вот таким нашла Анабель мужа, спустя долгие годы. Как думаете, что это? Кара за равнодушие к жене, проклятие или происки врагов??

Глава 10

Переступаю порог с тяжёлым деревянным ведром в одной руке и охапкой тряпок в другой. Вид у меня воинственный, должно быть. Я довольно долго пыталась себя настроить перед зеркалом, но вся эта показная храбрость тает, как утренний туман под солнцем, едва дверь закрывается за мной.

Воздух в комнате стоит такой же густой и спёртый, пропитанный запахом болезни, тлена и немного серы. И в центре этого мрака — сидит Шейн. Неподвижный, как и два дня назад. Словно время в этой комнате остановилось, чтобы законсервировать его страдание.

— Хорошо, — говорю себе, крепче сжимая ручку ведра. — Займусь сперва комнатой.

Начинаю с периферии, с углов, подальше от кресла. Подбираю с пола осколки разбитого кувшина, бросаю их в ведро, и они падают на дно с сухим, гулким лязгом. Сметаю с тяжёлых столов пыль, которая копилась тут, наверное, годами. Снимаю длинную паутину с углов.

Двигаюсь быстро, работаю с яростным остервенением. Каждым взмахом веника, каждым движением тряпки — выбиваю из себя страх, который клокочет где-то под рёбрами. Шуршание щётки, скрип половиц под ногами — единственные звуки, нарушающие гробовую тишину его покоев.

Жутко. Невыносимо жутко находиться здесь в полном

молчании. Словно я одна нахожусь в этом склепе.

— Да тут нечем дышать! — вырывается у меня, и возглас звучит неестественно в комнате. — Как слуги могли запустить всё до такого состояния? Им что, приказали не заходить? Или они просто трусили?

Мой взгляд падает на тяжёлые бархатные портьеры, намертво задернутые. Они посерели от пыли и времени.

«Эти занавески... прямо саван какой-то. Никакого света. Как можно в таком гробу жить? Хотя... — бросаю осторожный взгляд на неподвижную фигуру, — кто сказал, что он ещё жив?»

Подхожу к окну и с силой дёргаю за шнур. Ткань со скрипом ползет по карнизу, осыпая серый снег из пыли. Хватаюсь за тяжёлую железную скобу, упираясь ногой в стену и со стоном отворяю створку окна. Она поддается, и в комнату врывается поток холодного, свежего воздуха, а вместе с ним — слабый луч послеполуденного солнца. Он падает на пол, высвечивая тропинки, которые я протоптала в пыли.

И вот тогда, стоя в пыльном луче света, решаюсь. Поворачиваюсь к дракону лицом. Подхожу ближе, останавливаясь на почтительном, но уже не таком огромном расстоянии.

— Не думай, что делаю это для тебя, — произношу, глядя в его пустые, ничего не выражающие глаза. — Мне нужен от тебя только один кивок. Одно слово. А в такой грязи, — обвожу пространство вокруг себя рукой, — даже великие драконы не дают аудиенций. Не по чину!

В ответ — снова лишь молчание, и сиплый звук дыхания.

— Интересно, — продолжаю, уже не столько для него, сколько чтобы хоть как-то заполнить тишину, — ты вообще что-нибудь чувствуешь? Или там, внутри, одна только тьма? А может ты просто... ушёл, а тело забыли похоронить?

Я жду хоть какого-нибудь знака. Спазма век, дрожи в пальцах... Но, ничего. Шейн как гора, покрытая странной, живой коркой из чешуи. Напряжение возрастает вместе с моим отчаянием. И тогда, почти на автомате, потому что больше нет сил держать эту новость при себе, я произношу вслух то, что он должен знать. Чётко, без эмоций, как констатация факта.

— Шейн, у нас родился сын. Его зовут Делориан. Он здесь, в замке.

Я вся обращаюсь в слух, в одно сплошное зрение. Впиваюсь взглядом в черты лица, пытаюсь заметить хоть малейшую перемену. Ищу признаки жизни, узнавания, шока, гнева — да чего угодно!

Зрачки дракона, широкие и тёмные, продолжают смотреть куда-то сквозь меня. Ни одна мышца на его получеловеческом-полудраконьем лице не дрогнула. Даже дыхание не сбилось.

Облегчение, острое и колкое, тут же сменяется ледящей душу горечью. Он безопасен. Совершенно безопасен для мен. И так же совершенно недоступен. Достучаться до него будет в тысячу раз сложнее, чем я думала.

Отворачиваюсь. Еще раз осматриваю комнату, намечая себе работу на будущее. При свете дня спальня больше не напоминает логово безумного зверя. Просто очень грязную, заброшенную комнату больного. Вот только её хозяин по-прежнему жутковатая статуя, вросшая в кресло.

— Ладно, — выдыхаю, больше не глядя на мужа, собирая свои тряпки. — На сегодня хватит. Завтра... займусь тобой. Вымою, причешу. В таком виде тебя сыну видеть нельзя. И надо бы полы помыть...

Останавливаюсь у двери, оглядываюсь. Луч света теперь падает прямо на руки Шейна, высвечивая тёмные, похожие на камень чешуйки.

— Очень надеюсь, что ты оценишь мои усилия, потому что всем остальным в этом замке наплевать на тебя, лорд Дорс. Какая ирония, не находишь? Та, кого ты ненавидел всеми фибрами души — выхаживает тебя. Слышишь, Шейн? Я твой единственный шанс. Я и наш сын. Да... Тот самый, в существование которого ты не верил и не желал принимать. Он твой и жив, и с этим ты уже ничего не поделаешь, дракон!

Выхожу, но не закрываю дверь до конца. Оставляю щель. Пусть затхлый, больной воздух хоть немного выветрится. Пусть свет прогонит мрачные тени.

Первый шаг сделан, но самый трудный — еще впереди. И связан он будет вовсе не с уборкой, а с тем, чтобы дотронуться до того, кого я десять лет тщательно избегала даже в

СОБСТВЕННЫХ МЫСЛЯХ.

С Новым годом, дорогие читательницы!

Всем желаю самых светлых и добрых дней, любви, радости, самореализации, всяческого процветания и финансового благополучия!

С любовью и уважением, Наталья Кошка

Глава 11

Возвращаюсь в свои покои, пытаюсь выкинуть из мыслей того, о ком совершенно не желаю думать, но все же Шейн засел в голове так прочно, что не думать о нем не получается.

Дверь в нашу комнату приоткрыта, толкаю створку и сразу же нахожу глазами сына.

Дэл не бежит навстречу, как обычно, а сидит на подоконнике, поджав под себя ноги, и смотрит в окно на внутренний двор. Мне он кажется напряженным, спина — словно натянутая струна. Он точно слышал мои шаги, но не оборачивается.

— Мам? — его голос звучит тихо, не по-детски серьезно.

— Да, я здесь, солнышко. Что-то случилось?

Наконец он отрывается от созерцания двора и поворачивается. Его лицо, обычно такое открытое и живое, сейчас выглядит излишне бледным в полумраке комнаты. Широко распахнутые глаза полны вопросов, которые, видимо, одолели его в мое отсутствие.

— Я слышал, как служанки разговаривали в коридоре, — начинает издалека, не сводя с меня тревожного взгляда. — Они думали, что я не слышу и занимаюсь с писцом. Они сказали..., отец не просто болен, а умирает. Это правда?

То, как он назвал Шейна — коробит. Раньше Дэл никогда не интересовался отцом, мало спрашивал. В лесу мы говори-

ли о «том драконе» или «Шейне». Но теперь, внутри замковых стен, реальность приблизила родство и Делориан проникается все больше. Наверное, его тревожит будущее и роль, которая отведена во всем этом ему. А мне бы так хотелось оградить сына от всего.

Потому подхожу ближе и заглядываю в лицо. Врать Дэлу не хочу и он должен знать правду.

— Да, он очень болен, милый. Я только что была у него.

— И он... — Дэл закусывает губу, его взгляд бежит по моему лицу, выискивая ответ. — Какой он? Как выглядит? Он и вправду так страшен, как ты думала?

В голове всплывает образ окаменевшего чудовища в кресле, с пустыми глазами.

— Нет, — отвечаю максимально честно, потому что врать сейчас — значит предать доверие своего ребенка. — Шейн не страшный и не опасный. Он даже не двигается. Просто сидит и смотрит в одну точку.

Дэл растерянно моргает, переваривая информацию. Страх в его глазах смешивается с недоумением и странным разочарованием.

— Значит, он не... не рычит? Не дышит огнём? Не превращается в дракона?

— Нет. Он больше похож на очень усталую статую. Он болен так, что даже его звериная сущность не может ему помочь. Возможно, она даже только все усугубляет.

Сын молчит, обдумывая мои слова. А потом вдруг спра-

шивает:

— А он... умрёт? Скоро?

В его голосе нет надежды. Только холодный, практичный ужас ребёнка, который вдруг осознал хрупкость мира и своего места в нём. Если Шейн умрёт сейчас, не признав его, то Дэл станет не наследником, а мишенью.

Опускаю ладони ему на плечи и слегка сжимаю.

— Я не знаю, Дэл, сколько боги отмеряли ему времени. Правда не знаю. Но сделаю всё, что в моих силах, чтобы Шейн поскорее пришёл в себя. Хотя бы ненадолго.

— Зачем? — вырывается у него. — Ты же его боишься! Ты говорила, что он злой! Почему тогда помогаешь?

Тяжелый вздох срывается с моих губ. Такой непростой вопрос и в тоже время — важный. Все потому, что нам нужно признание лорда этих земель. Без него нас растопчут и не заметят. И еще от того, что эльфы нас выгнали, а здесь мы как мыши в клетке с голодными кошками. Но я не могу сказать об этом десятилетнему мальчику так прямо.

— Как бы там ни было, он — твой отец, — подбираю слова с осторожностью сапёра. — И потому что иногда, чтобы спасти одного человека, нужно сначала спасти другого. Даже если этот другой... когда-то сделал тебе очень больно.

Дэл внимательно слушает, и я вижу, как в его глазах идёт борьба. Детское желание, чтобы «папа» был героем, сталкивается с реальностью и с тем жутким, немощным образом, который я только что описала.

— А мне... придется с ним видеться? — спрашивает практически шёпотом.

— Не сейчас, — качая головой. — Он не в том виде, в котором сын должен видеть отца впервые. Я сперва приведу его в порядок. А уж потом решим, как быть. Хорошо?

Сын соглашается, но плечи все еще остаются напряжёнными. Тема с отцом его не отпускает.

— А если он поправится... он станет таким же, как на картинках? Большим и страшным? И... я тоже таким стану?

Вот оно что! Дэл наконец-то произносит вслух то, что его по-настоящему пугает. Становятся понятными его переживания и вопросы. Он боится превращения и того, что может стать тем, кого так боится его мать.

Крепко обнимаю сына, закапываясь носом в макушку. Родной запах и объятия успокаивают не только меня, но и его. Постепенно Делориан расслабляется.

— Нет, — шепчу ему в волосы, вкладывая в это слово всю силу своей веры и отчаянное желание. — Нет, Дэл. Ты будешь собой. Всегда. Мы не позволим никому и ничему изменить тебя. Никакая драконья кровь не заставит тебя стать монстром. Ты — мой сын. И ты будешь хорошим человеком. Я обещаю.

На самом деле, я сама ужасно боюсь того дня, когда в нём проснётся драконья сила. Но сейчас Дэлу нужна поддержка, надежное плечо рядом, а не бьющаяся в истерике мама.

Он обнимает меня в ответ, крепко-крепко, и прячет лицо

у меня на плече. Мы сидим молча очень долго, пока сумерки за окном не сгущаются в плотную непроглядную тьму. И в этой тишине я даю себе ещё одно, новое обещание.

Я не просто вытащу Шейна из небытия ради признания. А сделаю это, чтобы мой сын однажды увидел отца не как чудовище — немощное и больное, а просто как человека. Чтобы у этого «наследства» было человеческое лицо.

Глава 12

Сегодня я проснулась с мыслью, что мне нужны средства и помощь. Чтобы вытащить Шейна из небытия, жизненно необходимы свежие бинты, чистые простыни, специальные мази для ухода за кожей и чешуёй, которые, как я смутно припоминаю, использовали для раненных драконов. А главное — нужна горячая вода. Много воды, которую кто-то будет носить.

Вайтара я видеть не хочу. Он слишком заносчив и неприступен, и разговор с ним сразу превратится в противостояние. Значит, нужен кто-то пониже. Отлично подошел бы управляющий делами замка. Тот, кто ведает запасами, слугами и хозяйством. В моей памяти всплывает имя — констебль Линч.

Когда я только очутилась в теле Анабель, именно он управлял хозяйственной частью. Правда, он тоже был не самым приятным человеком. Но может со временем что-то, да и поменялось. В любом случае, стоило его посетить.

Оставляю Дэла с книгами по истории, которые он нашел в нашей гостиной, и спускаюсь в нижние этажи, в крыло служебных помещений. Воздух здесь чуть холодней, и я кутаюсь в шаль из козьей шерсти — «подарок» на память от нашей козочки Дирли. Жаль было ее оставлять, но не тащить же в замок Шейна!

Кабинет Линча находится сразу же. На двери справа от лестницы красуется кривобокая табличка с именем, которая гласит: «Констебль замка господин Доналл Линч». И ниже выведено мелом — «Без стука не входить».

Господин? Это что еще за новости. Такое начало мне уже не понравилось, но я затолкала свое возмущение и даже стукнула раз костяшками по дверному полотну, прежде чем войти. Не стоит начинать разговор с выяснения отношений, тем более что мне кое-что нужно.

Кабинет Линча оказался крохотной каморкой, заставленной банками с соленьями, заваленной стопками тканей самых разных видов и толстыми конторскими книгами в кожаных переплётках. И посреди всего этого безобразия восседает сам Линч, уткнувшись носом в какую-то расписку. При моем появлении даже головы не поднимает.

Доналл Линч, как и все остальные, слегка постарел за прошедшие годы. На лбу появились глубокие залысины, а пышные черные усы, которыми, помнится, он так гордился — повисли уныло вниз.

— Констебль, — окликаю, так как управляющий не торопится бить поклоны.

Он медленно, с преувеличенной усталостью поднимает взгляд. А при виде того, кто перед ним — становится в разы холоднее.

— Леди Анабель. Неожиданно. Вам что-то нужно? Комнаты не устраивают?

— Меня не устраивает состояние комнаты моего мужа, лорда Шейна, — перехожу прямо к сути, опуская все условности. — Мне нужны припасы для ухода за ним: бинты, мази, кристаллы для очищения воздуха, свежее бельё. И чтобы слуги подавали горячую воду когда потребуется.

Линч откидывается на спинку стула, складывает пальцы домиком. На лице — явное недоумение вкупе с недовольством.

— Уход? За лордом? Но за ним уже ухаживают, леди.

— Вы называете это уходом? — опираюсь на стол и повышаю голос. — В комнате толстенный слой пыли, пустые склянки валяются под ногами, а сам он выглядит так, будто его неделями не мыли. Кто из врачей его посещает? Я хочу с ними поговорить, узнать диагноз.

На лице Линча мелькает недобрая тень. Он аккуратно отодвигает от себя лежащую на столе книгу учёта, и тоже подаётся вперед.

— Леди Дорс, с вашего позволения... Замком управляют сенешаль Вайтар и я. Вопросы лечения лорда находятся в ведении его личного врача, господина Горвина. А порядок в его покоях, — он делает небольшую паузу, давая мне понять, что считает это дело второстепенным, — поддерживается согласно установленному регламенту. Ваше внезапное возвращение не отменяет годами налаженных процедур!

Внутри меня закипает кровь. Этот его снисходительный тон...

— Вы что хотите этим сказать, Линч?

— То и хочу сказать, леди Дорс, — нахально улыбается, обнажив ряд неровных, почерневших зубов. И отодвигает от меня подальше ещё одну папку. — Вы здесь не хозяйка и отчитываться перед беглянкой я не намерен. Надо мной только двое: сенешаль и сам лорд Дорс. Женщин в схеме управления замком нет.

От такой наглости я даже теряю дар речи. Это уже верх цинизма.

— То, что происходит между мной и супругом, не даёт вам права на неуважение! Я — его законная жена. И пока лорд не в состоянии командовать, а сенешаль занят внешними угрозами, в замке — я закон и порядок. Вы обязаны подчиниться моим распоряжениям!

— Иначе что? — Линч порывисто встаёт. Он наклоняется ко мне, понижая голос до гнусного, интимного шёпота, от которого по спине бегут мурашки. — Что можешь сделать ты, грязная шлюха? К кому побежишь жаловаться? Наш господин милосердно оставил тебя в живых, но будь я на его месте — болтаться тебе на дереве или кормить псов. Хотя, мы тоже можем договориться, если ты встанешь на колени и как следует попросишь...

Моя рука взлетает и обрушивается на его щёку с такой силой, что раздаётся оглушительный, сочный хлопок. Голова констебля дёргается в сторону. Всю руку от ладони до локтя простреливает онемение.

В его глазах на секунду вспыхивает чистая, звериная ярость. Он сжимает руки в кулаки, и я с замиранием сердца готовлюсь к ответному удару. Но вместо этого он медленно выпрямляется, потирая щёку. Во взгляде полыхает неприкрытая ненависть.

— Вы еще об этом пожалеете, леди! — выплевывает по слогам.

— Собирайте вещи, Линч, — произношу ровно и холодно, сжав в ладонях край своей шали. — Больше вы не работаете на дом Дорсов. И никакого выходного пособия. А если ещё раз откроете рот в таком тоне — я прикажу выпороть вас плетью на площади. Радуйтесь, что мой муж не в себе. Только за половину того, что вы сейчас озвучили, вас ждали бы пытки. И если у Шейна Дорса имеются ко мне претензии, мы разберёмся с ними сами. Никто и никогда не будет разговаривать с леди этого замка подобным образом. Убирайтесь!

Констебль, уже бывший, пронесется мимо меня как ураган, скрипнув зубами от досады и злости. Наверное, побежал жаловаться сенешалю. Вдыхаю свободней, когда остаюсь в кабинете одна. Книги учета и расходов, которые он так лелеял, остаются без присмотра. Хмыкаю и сгребаю толстые фолианты в охапку. Интересно будет посмотреть куда тратятся средства моего мужа, пока он проводит дни в грязной, неубранной комнате!

Прижимаю книги к груди и выхожу из каморки. По пути мне встречаются слуги. Они отводят глаза и быстро присе-

дают, но во взглядах замечаю не только прежнее презрение, но и проблеск чего-то еще. Страха? А может это любопытство. Должно быть, уже весь замок в курсе нашей стычки с управляющим.

Поднимаюсь по лестнице, и с каждым шагом тяжесть книг в руках кажется не обузой, а трофеем. Эта битва осталась за мной, пусть и ценой сотрясения воздуха и собственных нервов. Вайтар, конечно же, узнает. И у нас состоится новый непростой разговор. Но теперь у меня будет кое-что еще, кроме пустых слов. У меня будут цифры!

Глава 13

Книги учёта оттягивают руки. Перед нашими с Дэлом покоем замираю. Отнести их в спальню? Глупо. Туда заходят служанки, да и сын может заинтересоваться. А мне нужно место, куда никто не полезет.

Вспоминаю про ту самую дверь, ведущую из нашей комнаты в покои Шейна. За ней есть небольшой проход, длиной в метр-полтора. Этого хватит, чтобы спрятать не один томик, а целый книжный шкаф. Выбираю момент, пока Дэл занят своими книжками и заглядываю за тяжелую ткань, драпирующую переход. Здесь пыльно и куча паутины. Нашупываю ручку двери, и приоткрываю ее ровно настолько, чтобы просунуть книги.

Это хорошее, надежное место. О переходе знают немногие, и судя по грязи — не пользуются со времен моего исчезновения. Единственный, кто мог бы воспользоваться этой дверью — сейчас сидит по ту сторону в своем кресле, окаменевший и безопасный. И уж наверняка Шейна в последнюю очередь волнуют расходы в замке. Потому со спокойной душой оставляю свою добычу до вечера. Когда все уснут — посижу с цифрами в тишине.

Разобраться с ними необходимо, но не сейчас. В голове только одна мысль, навязчивая и неприятная: сегодня придётся прикоснуться к Нему.

В коридоре раздаются лёгкие шаги. Выглядываю из-за двери — молодая служанка с пустой плетёнкой спешит по своим делам, делая вид, что не замечает меня.

— Ты! Девушка!

Она вздрагивает, как заяц на мушке, и медленно оборачивается. Глаза испуганно округляются.

— Леди Дорс, — она наконец-то вспоминает о приличиях и кивает.

— Сейчас же в покои лорда нужно натаскать горячей воды. Много. А также понадобятся мыло, мягкие мочалки, полотенца, масло для кожи и для чешуи. И приготовить для лорда чистую одежду — рубашку и штаны, отпарить. И найди мне острые ножницы и лезвие для бритья. Будем приводить лорда Дорса в порядок. Это ясно?

Лицо служанки становится белым. Она отступает и качает головой.

— Леди, я не могу. Это не моя работа. В покои лорда так страшно заходить! И умывать его..., это должны делать мужчины-слуги или лекарь. Я боюсь.

— Ты будешь не одна, поможешь мне, — обрываю поток.

— Нет, леди, не просите. Я не пойду! — заявляет девчонка уже смелее.

От этого протеста внутри меня что-то обрывается. Усталость, ежедневное напряжение и собственный страх — всё это выплёскивается наружу острым как бритва ответом.

— Слушай меня внимательно, — цежу сквозь зубы, сдер-

живая ярость, — если ты, или кто-либо другой в этом замке, в течение получаса не выполнит мой приказ, можете все разом начинать собирать свои пожитки. Уверена, занять место в замке Дорсов мечтают многие из тех, кто ютится в нижнем городе. Это понятно?

Девчонка моргает раз, другой и наконец-то до нее доходит. Она принимается кивать так быстро, что кажется, голова вот-вот отвалится.

— Понятно, леди! Сейчас же! Всё будет!

Она срывается с места и убегает, позабыв о грации и приличиях. А я смотрю ей вслед, чувствуя, как дрожь от вспышки гнева медленно уходит, оставляя после себя пустоту и стыд. И тут за моей спиной раздается тихий голос:

— Я и не думал, что ты можешь быть такой.

Разворачиваюсь на пятках. В дверях нашей комнаты стоит Дэл. Должно быть, он вышел на голоса. Черт! Я не рассчитывала, что у этой сцены найдется сторонний наблюдатель. И кто? Мой собственный сын.

— Какой? — переспрашиваю и провожу растерянno по волосам ладонью.

Делориан задумывается на секунду, подбирая слова.

— Властной. И... сильной.

В его тоне не слышно упрёка. Скорее что-то вроде уважения, смешанного с лёгким испугом. От этого становится и тепло, и неловко одновременно. Подхожу ближе и легонько ерошу волосы сына.

— Жизнь здесь, сынок, устроена не так, как в лесу, — поясняю. — Мне приходится быть не просто твоей мамой. Я должна быть хозяйкой. И если мы не отстоим свои права с самого начала, нас попросту не станут уважать. Не будут слушаться. А это опасно. Многие здесь понимают только язык силы. Я не хочу его применять, но иногда приходится. Понимаешь?

Дэл смотрит мне в глаза, потом кивает, но не очень уверено.

— Вроде бы понял.

Сын уходит, а я жалею, что он увидел меня почти истеричной, кричащей на служанку. Это совсем не тот урок, который я хотела ему преподать.

Но, может, этот урок научит его чему-то другому? Как будущий лорд, он должен знать, что власть — это не только богатые одежды и почтение. Это тяжёлые решения и ответственность, а иногда необходимость быть жёстким, даже неприятным. Без этого — никак.

Ещё раз тяжело вздыхаю, смахивая остатки ненужных сомнений. Уроки уроками, а дракон ждёт. И его надо привести в порядок.

Поворачиваюсь и решительно захожу в покои Шейна. Пахнет здесь в разы лучше сегодня. Свежий воздух разогнал затхлость, так что находиться в помещении гораздо легче. Дракон сидит в том же кресле, в той же позе, неподвижный и немой.

— Ну что ж, — обращаюсь к нему, закрывая за собой дверь. — Приготовься. Сегодня будет нелегко нам обоим.

Служанка, а следом за ней и два перепуганных мальчишки-подсобника, приносят всё, о чём я просила, и даже больше. В покои заносят огромную лохань, ставят рядом с ней несколько ведер с кипятком и следом ещё — с холодной водой. На столе появляются груда мягких полотенец, большой кусок мыла с запахом еловых веток, глиняные банки с маслами и... две пары толстых рабочих рукавиц. Про себя улыбаюсь. Слуги подумали, что мне понадобятся перчатки, чтобы прикоснуться к нему. И, возможно, они правы. Посмотрим!

Мальчишки, не глядя в сторону кресла, выскальзывают за дверь. Служанка бросает последний испуганный взгляд на неподвижную фигуру и тоже тихонько исчезает, притворив за собой дверь.

Сначала хочу позвать их назад, отчитать, но останавливаюсь. Злость уходит так же быстро, как и пришла. Как винить их? Они давно не видели Шейна в человеческом обличье, только это окаменевшее, полузвериное существо, от которого исходит запах смерти. Выдыхаю, успокаивая собственные нервишки и поворачиваюсь к своему... пациенту.

Нужно с чего-то начать. Воздух в комнате уже стал влажным от пара. Снимаю шаль, закатываю рукава выше локтей. Руки слегка подрагивают. Сжимаю и разжимаю кулаки, заставляя себя успокоиться.

— Хочешь ты того или нет, но я намерена сделать из тебя

человека. Приступим.

Настраиваю и себя, и его. Нужно просто представить, что передо мной вовсе не Шейн. Не дракон. А просто... старый друг, который очень запустил себя. Больной, которого нужно привести в порядок из сострадания. Ложь кажется такой хрупкой, что я сама едва в неё верю, но другого выхода нет.

Первым делом беру в руки ножницы. Подхожу к нему сзади, чтобы не видеть пустого взгляда. Беру первую прядь спутанных, грязных волос у самого затылка. Когда-то Шейн предпочитал собирать их в строгий узел или хвост. Волосы были практически черными и блестящими. Сейчас же — это грязно-седой колтун, в который, кажется, вплелись нитки от кресла и многомесячная пыль.

Раздаётся первый сухой, грубый звук: хрясь! И прядь падает на пол. А я уже берусь за следующую. Методично, медленно, шаг за шагом, освобождаю его шею, а затем — виски. Чем больше волос падает, тем сильнее внутренний трепет. Под этой дикой гривой проступает форма черепа, линия скул, знакомый и чуждый овал лица одновременно.

Сколько же он тут так просидел? По виду — даже не месяцы. Тяжёлое, полукаменное состояние, в которое погрузилось его тело, кажется работой длительного времени. Ставлю мысленную галочку: спросить об этом у Вайтара. Хотя он, скорее всего, солжёт.

Волосы на макушке и на лбу менее спутаны. Я срезаю их так коротко, насколько могу, оставляя всего пару сантимет-

ров. Когда последняя прядь падает на плечо и скатывается вниз, отступая на шаг назад, чтобы оценить работу.

Лицо... проявилось. Без этой дикой гривы оно кажется не таким чудовищным, а скорее измождённым. Сейчас Шейн выглядит той самой «жалкой тенью», которую я описала Дэлу. Жутковатые тёмные трещины-чешуйки действительно не пошли дальше левого виска и скулы. Лоб чистый, высокий. Глаза..., они всё так же смотрят в пустоту, но теперь видны целиком. И в этой пустоте есть что-то невыносимо одинокое.

— Вот, — бормочу, отряхивая ножницы от волос. — Уже гораздо лучше. Теперь очистим лицо.

Беру лезвие для бритья, проверяю кромку ногтем — острая. Наливаю в мисочку горячей воды и взбиваю мыло в густую пену. Осторожными, робкими движениями, наношу её на щёки, подбородок и шею. Кожа под пальцами горячая, почти обжигающая. Но Шейн никак не реагирует на мое самоуправство.

— Сейчас уберём всё это, — мой голос звучит неестественно ласково, будто я уговариваю Дэла потерпеть у зубного знахаря. — Станешь опять... ну, не красавцем, конечно. Но человеком. По крайней мере, с виду.

Прикладываю лезвие к его коже у виска. Рука дрожит. Вдыхаю поглубже, задерживаю дыхание и веду лезвием вниз, по щеке. Лёгкий, скользящий звук. Пена и серая щетина остаются на лезвии. Проступает первая полоска чистой кожи.

— Вот видишь, — шумно выдыхаю, промывая лезвие в воде. — Ничего страшного. Ты ведь даже и не почувствовал?

Продолжаю. Каждый вздох, каждый скребущий звук лезвия я проговариваю. Комментирую, словно выступаю с докладом.

— Сейчас левую сторону. Аккуратненько под скулой..., вот здесь чешуйка, я её обойду. Не шевелись, хорошо?

Это самовнушение. Если я продолжу разговаривать с ним, то не сойду с ума от абсурдности ситуации: я брею дракона, который когда-то был ко мне жесток.

По мере того, как пена и щетина исчезают, обнажается лицо. Настоящее лицо Шейна Дорса. Бледное, с резкими, истощёнными чертами, с глубокими тенями под глазами. Не маска чудовища, а лицо мужчины, очень больного.

Откладываю лезвие и беру мягкое, тёплое полотенце и осторожно промокаю его кожу. Шейн позволяет мне и это. Он вообще всё позволяет.

Оцениваю результат часового труда и разминаю затекшую спину. Полудикий зверь в кресле исчез. Остался измождённый, коротко стриженный человек с каменными наростами на одной половине тела, сидящий в оцепенении.

— Готово! Первый этап окончен. Но на этом еще не все, Шейн. Теперь мне придется тебя как-то помыть.

Глава 14

Честно говоря, даже не знаю как к нему подступиться. С учетом всех трансформаций, которые произошли с телом Шейна. Но сдаваться — не в моих интересах, потому осторожно срезаю остатки рубашки, которая полуистлела на мужском теле.

Странное дело, но мышцы Шейна будто бы не пропали и не утратили свой объем. Тело стало «суше», тоньше, но от этого рельеф мышц стал только заметнее.

— Как же это возможно? Что с тобой произошло?

Мне даже любопытно — что за трансформацию переживает дракон и что ее запустило. Может, его прокляли? Или это последствия сбоя драконьей магии? Не уверена, что такое случается, но все же...

— Ладненько, поглазели и хватит, — хмыкаю, намыливая мочалку. — Водичка теплая, мыло — душистое. Ты просто обязан прийти в себя, Шейн. Может, мы даже смогли бы как-то договориться, — выдыхаю, подступая вплотную. — Ты ведь совсем меня не знаешь. Впрочем, как и я тебя. Наше общение не задалось с самого начала. Ты ненавидел Бель, а я — заняла ее место. Понимаешь? Я не такая злодейка, какой была твоя жена.

Бормочу тихо, больше обращаясь к самой себе. А руки тем временем делают дело: растирают, моют, очищают.

— Не думал, что вы займетесь омовением лорда лично, леди Дорс.

Я так ушла с головой в процесс, что не заметила появления сенешаля. И от неожиданности подпрыгиваю на месте.

— Вас не учили стучать? — огрызаюсь, так как сердце не на месте. А что, если этот старый лис слышал мои последние слова?

— Приношу извинения, если напугал, — произносит больше для приличия, а не потому, что раскaiвается. — Искal вас, чтобы спросить: за что вы выгнали Линча? Бедняга едва не рыдает.

— Этот бедняга повел себя хамски. Я даже не стану обсуждать это, Вайтар. Вы должны понимать, что унижение законной жены и хозяйки замка карается куда жестче, чем простое изгнание. Доналлу Линчу здесь больше не место.

— Допустим, — неожиданно соглашается сенешаль, а сам гнет свою линию дальше, — но кто займет его место? Не так-то просто найти хорошего управленца и к тому же, быстро. Мы не можем взять человека с улицы, когда вокруг наших земель расхаживают враги.

— Согласна. Потому делами Линча займусь лично. Разумеется, пока мы не подыщем подходящего человека. Странно, что вы совершенно не интересовались работой констебля все это время. Вы видели, во что он превратил свою каморку? Все завалено вещами, продуктами. Он как крыса стаскивал в свою нору припасы. Считаете, это нормально?

— При всем уважении, леди Дорс, — раздражается Вайтар, — но у меня есть чем заняться, кроме пересчитывания круп и простыней. На мои плечи легла забота обо всех жителях земель, содержание воинов, сбор налогов и прочая отчетность. С тех пор, как лорд Дорс перестал реагировать...

— Кстати, как долго он уже в таком состоянии? — перебиваю нервную речь сенешаля, который пытается всеми силами набить себе цену.

Вайтар хмурится, но все же отвечает.

— Почти восемь лет, леди.

Я так и застываю с мочалкой на полпути.

— Сколько?!

— Восемь лет, — сухо повторяет Вайтар. — И не думайте, что я не пытался вернуть его.

На короткое мгновение маска сенешаля дает трещину, и я вижу его настоящее лицо. На нем отражается целая гамма эмоций: усталость, озадаченность, даже страх.

— Я не знала..., — просто не могу подобрать слов от шока.

Восемь лет!! В голове не укладывается. Я думала год, ну самое крайнее — два или три. Но столько лет... Почти столько же, сколько я провела с Дэлом за завесой.

— Да, сперва мы приглашали в замок лекарей, магов, знахарей-самоучек... Да всех, кто сколько-нибудь понимал в драконьей магии и целительстве. Но итог был один: лорд не мог есть, не мог пить, перестал реагировать на голоса и свет.

Никто не мог ему помочь. Никто не знал — отчего это. В летописях нет схожих случаев.

— И как же вам удавалось так долго держать это в тайне? Почему только сейчас остальные драконы решили напасть и отнять земли?

— О, пришлось быть крайне изобретательными, — сене-шаль крикает самодовольно. — Лекарям платили втрое за молчание и приводили к лорду с завязанными глазами. Они не знали куда их везут и кого надо лечить. И периодически мы переодевали одного из стражников в одежды лорда. Он ходил по двору, выглядывал с балкона. Все считали, что лорд Дорс стал затворником после побега своей жены.

— Боже... Вы еще и меня приплели к этой истории!

— Это додумали люди, а я — не стал отрицать. Но чем больше времени проходило, тем яснее становилось: лорд уже не придет в себя. Даже у самых верных слуг, которым мы платим втрое больше обычного, может развязаться язык. Правда выплыла наружу и мы не стали препятствовать. Может, нам удастся как-то выжить, если замком станет управлять другой лорд-дракон.

— Вы понимаете, что ваши слова — это предательство? — устремляю прямой взгляд на Вайтара. — Вы признаетесь, что готовы сдать замок врагам?

— Нет и нет. Но я... устал. Представляете, леди? Просто устал разыгрывать этот спектакль, делать вид, что замок держится, а наши дела — идут неплохо. На самом деле, они

идут отвратительно, хуже некуда. Львиная доля всех доходов уходит на содержание людей в замке. И все для чего? Чтобы поддерживать видимость порядка и живой жизни. Но все здесь... давно мертво.

— Так зачем вы тогда..., — развожу руками, так как мне не понять логики, — зачем позволили мне ухаживать за Шейном, если не верите в успех? Для чего наняли учителей Дэлу?

— Вы можете думать обо мне что угодно, леди Анабель, но я всегда был предан вашему мужу. И когда вы объявились с наследником... что-то дрогнуло. Мелькнула мысль, что и для нас еще не все потеряно. Может, вы смогли бы до него достучаться?

Такого ответа я никак не могла ожидать от старого стервятника, каким всю жизнь считала сенешаля. Преданный до мозга костей, единственный, кто пытался сохранить все в первозданном виде... Да, такой человек невольно вызывает уважение.

— Как видите, я тоже пытаюсь все наладить. Пусть и из своих соображений, — окунаю мочалку в воду и снова провожу по груди Шейна. — Но после ваших слов...

Умолкаю, качая головой. Действительно, а что я могу? Ну вымою его, приведу в порядок. Могу даже разговаривать с ним и пытаться напоить. Но что дальше?

— Пробуйте, леди, пробуйте. Кто знает? Вдруг боги проявят милость к вам и вашему сыну.

Сенешаль возвращает лицу прежний вид — бесстрастно-го и холодного засранца, и деловито кивает мне:

— И еще, чтобы вы знали... Я не против Делориана и вас, но остальные советники лорда Дорса — ждут вашего промаха. Будьте осторожнее. И... можете оставить себе книги, которые стащили у констебля. Уверен, в отчетах все печально, а вы наведете порядок. — Вайтар уходит, не дожидаясь моего ответа. Но стоя на пороге добавляет. — Я пришлю вам кого-то в помощь: сами вы не сдвинете хозяина с места.

Вот так поворот! Уж в ком, но в его лице я совершенно не ожидала найти союзника. Возвращаясь к своему безнадежному пациенту, ощущая, что пыл поутих. Сенешаль прав в одном: если ничего не сработает, нам всем придется что-то предпринять. Бежать? Но куда. И успеем ли?

Домываю торс мужа с самыми мрачными мыслями. Неужели старый эльф ошибся и место Дэла — не здесь? И мы зря рискнули всем, вернувшись в драконий замок.

Глава 15

Аудиоверсия главы уже доступна! Приятного прочтения/прослушивания ;))

Обещанный Вайтаром помощник приходит и не один. На пороге показываются двое: молодой парень в простой одежде и второй — постарше, видом поухоженнее.

— Леди Дорс, — оба склоняют головы, — пришли вам помочь.

— Когда-нибудь имели дело с лежащими больными? — скептически осматриваю обоих.

— Мне доводилось, — тот, что помоложе, кивает. — Выхаживал батюшку, пока богам душу не отдал.

— Хорошо. Как зовут тебя?

— Ник, миледи.

— А вас? — спрашиваю у второго. Он, не отрываясь, смотрит на Шейна, словно увидел привидение.

— Я..? Джонатан, леди, — вздыхает так тяжело, будто сейчас расплачется.

— Вы знали моего мужа при..., в общем, раньше?

— А как же! — он все-таки стирает скупую слезу. — Служил при лорде камердинером, леди. Вы меня не помните?

Пытаюсь припомнить, кто крутился рядом с Шейном в те годы, но память по этому поводу молчит.

— Простите, но нет.

— Больно видеть хозяина в таком состоянии, — охает ка-
мердинер.

— И что же вы не присматривали за ним совсем? — меня
не трогают его слезы. Как ни крути — но именно этот муж-
чина перестал ухаживать за моим мужем, хотя это являлось
его прямой обязанностью.

— Когда стало понятно, что лорд не придет в себя, госпо-
дин Вайтар приказал не ходить в господские покои. Вход сю-
да разрешен только лекарям. Да и от тех — толку никакого.

И снова сенешаль замешан! А мне уж показалось, что мы
с ним на одной стороне. Хотя, если хорошенько подумать,
что мог Вайтар? Может, оставить дракона в покое и было
для всех выходом. Вот только меня такой расклад совсем не
устраивает.

— Ладно, чего уж там, — отмахиваюсь. Правда или ложь,
что это приказ сенешаля, а Шейна все равно придется при-
вести в порядок. Даже если после этого он не очнется. Дэл
обязательно захочет увидеть отца, потому я делаю все это
для него, а вовсе не для мужа.

— Ник, Джонатан, вам нужно будет как-то оторвать тело
лорда Дорса от кресла. Понимаю, что все это крайне необыч-
но, а драконы не впадают в спячку. Но мы будем работать с
тем, что имеется. Я разрежу на нем брюки, а вы аккуратно
перенесете тело в постель.

Пока ждала своих помощников, все продумала. Мыть
Шейна будем в лежащем положении, попробуем выпрямить

его ноги и руки. Сейчас эта задача кажется невыполнимой, но вдруг нам повезет и конечности все же не так задеревенели, как это выглядит со стороны?

Ник и Джонатан становятся по обе стороны от кресла. На лицах обоих — сомнения и страх. Я и сама боюсь. Даже мелькает совсем уж безумная мысль: вдруг дракон рассыпется в прах, если мы попробуем его приподнять? Но тут же гоню этот бред прочь. До этого же не рассыпался, да и кожные покровы Шейна горячие, живые. Не похож он на труп, если только слегка и смотреть издалека.

Ник — помоложе и посмелее. Берется обеими руками за предплечье Шейна и тянет верх. Рука поддается. По виду — вполне пластичная, только слегка «затекшая» конечность.

— Неплохо. Значит, не совсем он и каменный! — подбадриваю и себя, и мужчин. — Давайте-ка вместе.

Мужчины напрягают руки и раздается треск обивки кресла. Тело Шейна приподнимается.

— Секундочку! Так и подержите.

Хватаю ножницы и как получается — разрезаю одежду, точнее то, что от нее осталось. Сбиваю с ног обувь. Стараюсь не смотреть на голого дракона, но все же краем глаза отмечаю детали. Они впиваются в память яркими вспышками.

Худоба. Шрамы. Чешуя.

— На кровать его.

Кряхтя, слуги сгружают Шейна на постель.

— Не так уж и страшно, — напряженным голосом выды-

хает Ник. — Мы можем и сами его обмыть, леди. Если пожелаете.

Конечно пожелаю! Честно говоря, этот момент страшил меня больше всего. В моей памяти муж — большой и сильный мужчина, с весьма... крупным всем. И единственная ночь, которая между нами была — не принесла мне ни радости, ни удовольствия. Он был пьян, груб и очень зол. Может Шейн и имел право на злость, но мне от этого было нисколько не легче.

Воспоминания жалят, и я малодушно сдаюсь:

— Да-да, пожалуйста. Вот вода, и мыло. Сейчас подам еще полотенце.

Отхожу к окну, вдыхая свежий воздух. Лучше бы я вообще не вспоминала ту ночь. Как все эти годы — просто гнала мысли прочь, заставляя себя не думать. Но сейчас будто что-то сломалось внутри. Стена рухнула, и я снова вижу все, как наяву. И даже его голос гремит в ушах, пропитанный презрением и ненавистью:

«Не притворяйся, что тебе больно. Ты же хотела стать моей! Все твои уловки, все твои шпионские штучки... Теперь получай. Ты моя жена. И будешь делать то, что я скажу. Закрой глаза и терпи, если не хочешь, чтобы стало хуже».

Со мной на всю жизнь остались ощущения: тяжёлые и сильные руки, впивающиеся в мои бёдра, резкий запах алкоголя, и собственная душа, съёжившаяся где-то в уголке со-

знания, наблюдающая за всем будто со стороны. Он вымещал злость на мне, не желая слушать. А я думала, что умру прямо там, в его постели.

Стискиваю зубы, глотая ком, вставший поперек горла. Даже сейчас, спустя столько лет, по щеке катится предательская слеза — от унижения и парализующего, животного страха. Я была в клетке с хищником, который ненавидел самую суть того, кем я была — или тем, кем он меня считал.

— Миледи, всё готово, — осторожный голос Джонатана вырывает меня из кошмара. — Нам переодеть лорда или оставить так?

Киваю, не оборачиваясь, быстро вытирая лицо рукавом.

— Прикройте простыней и можете быть свободны. Мне еще нужно нанести мазь.

Голос звучит буднично и спокойно, когда раздаю указания, но не могу сдвинуться с места. Потому что прямо сейчас я ненавижу его почти так же сильно, как тогда. И эта ненависть — единственная стена, которая может защитить меня от жалости, которая уже начала подкрадываться к сердцу.

Слуги, перешёптываясь, выходят. Хлопает дверь. Я заставляю себя сделать первый шаг, потом еще один — от окна к кровати. Беру банку с мазью в руки и сажусь на край кровати. Тело Шейна под простыней кажется меньше, чем в моих воспоминаниях. Набираю мазь на пальцы и подношу к его лицу. Рука висит на мгновение, и усилием воли заставляю себя посмотреть в пустые глаза дракона.

— Это ради нашего сына, Шейн. Не обольщайся.

Глава 16

Покидаю комнату мужа с какой-то пугающей пустотой внутри. После яркой и болезненной вспышки воспоминания, будто кто-то резко выключил свет — темно, безрадостно и нет сил двигаться дальше. Но в покоях меня ждет сын, я не могу вечно отгораживаться от него делами. Я ему нужна. Но сперва мне нужно прийти в себя.

Спускаюсь на первый этаж и бреду в сторону кухни. Чем мне нравится эта часть дома, так это тем, что кроме слуг здесь никого не бывает. Сейчас попрошу кипятку и заварю щепотку трав, которые принесла с собой от эльфов. Уж в чем они знают толк, так это в хорошем бодрящем или успокаивающем, в зависимости от потребностей, чае.

Заворачиваю за угол и сталкиваюсь нос к носу с леди Хедлунд. На деле — никакая она не леди, а скорее старая ведьма. Но по привычке натягиваю дежурную улыбку, кивая ей. И что она забыла в «людской»?

— Добрый день!

— Леди Дорс! — она отпускает служанку, которой что-то злобно шептала до этого на ухо, и бедная девушка спасается бегством. Крючковатые пальцы с широкими, распухшими косточками, ловко находят мой локоть. — Вас-то мне и надобно.

— Зачем? — задаю прямой вопрос.

Видят боги, я не в том настроении, чтобы вести светскую беседу или выслушивать новую сплетню. Мне бы поскорее дойти до кухни и сразу обратно, в свою комнату.

— Как? Вы еще не в курсе? — выдает с той самой интонацией, которая должна меня зацепить. Вот только со мной это не работает.

Аккуратно снимаю ее руку и отступаю на шаг.

— Мне нужно идти, леди Хедлунд.

— Напрасно вы игнорируете мою компанию, леди Дорс! — старуха поджимает обиженно губы. Но ее так распирает от желания что-то мне рассказать, что она все же подается вперед. — Утром в замок доставили письмо. Лорд Малвик ищет с вами встречи!

Выплеснув информацию, Хедлунд прищуривается, выискивая на моем лице реакцию. Но ее ожидаемо нет. Мне ничего не говорит новое имя, и уж тем более я не представляю — кто бы мог желать встретиться со мной. Насколько мне известно — Анабель сирота, без роду и племени, волею случая и силой характера поднявшаяся с самого дна.

— Давайте сделаем так, — устало тру лоб, — притворимся, что я удивилась, а вы — просто продолжите свою мысль.

Леди недовольно фыркает.

— И куда же делась ваша искра, Анабель? Раньше вы бы сами бежали за мной, желая выпросить как можно больше.

Пожимаю равнодушно плечами. Пусть думает что хочет, я просто устала. И не имею ни малейшего желания развлекать

старуху.

— Ладно, чего уж взять с..., — она проглатывает очередную колкость и снисходит до пояснений. — Лорд Малвик — один из сильнейших драконов ныне живущих. Раньше он и наш лорд Дорс, да позаботятся о нем боги, постоянно соперничали: у кого лучший замок, у кого земли плодороднее, кто сильнее и выносливее... Давно это было, еще мой муж был жив. Говаривал, что даже сходились в бою два дракона. Невиданное зрелище, воздушный поединок! От драконьего рыка сотрясались сами горы.

— Леди Хедлунд, при всем уважении, но это уже какие-то сказки, — вставляю пять копеек под возмущенное сопение. — Не могут сотрясаться горы от драконьего рыка, поверьте, я знаю.

И пусть рык Шейна Дорса действительно был впечатляющим и от страха перед могущественным созданием подгибались коленки, но горы как стояли — так и стоят. Ох уж эта склонность пожилых дам все приукрашивать в разговоре!

— Нет в вас ни романтики, ни тяги к поэзии, дорогая. Мне вас даже жаль! — старуха еще больше раздражается из-за моего равнодушия. Но я и правда не понимаю — на кой черт сдалась какому-то супер-пупер крутому дракону. Ему проще все здесь разгромить, сжечь дотла, чем искать встреч с женой умирающего соперника. Что-то тут не сходится.

— А это письмо где сейчас? Я могу на него взглянуть? — спрашиваю, а внутри поднимается волна негодования: поче-

му письма, предназначенные мне — обсуждает весь замок?
— У Вайтара письмо. Больше ничего рассказывать не стану, узнавайте всё сами!

И леди проходит мимо, цепляя меня своими длинными, шуршащими юбками. Обиделась.

Вздыхаю и понимаю, что мой отдых откладывается на неопределенный срок. Хочу я того или нет, но всё же придется найти сенешаля и потребовать с него ответ. Интересно получается: письмо пришло еще утром, но Вайтар, выходит, даже не планировал его мне показывать! Как утомляют эти бесконечные подковерные игры за спиной. Как Шейн с этим справлялся? Или в его случае, страх перед силой и мощью — решал любые проблемы?

Глава 17

Вайтара застаю в Малом зале. Он здесь обустроился как хозяин: принимает советников и служащих, подписывает документы. Одним словом — правит, пока его лорд находится в каменной коме.

— Леди Дорс, — сенешаль кивает мне, едва взглянув и снова утыкается в свои бумаги. — Чем обязан?

— Где письмо, что пришло на мое имя еще утром? — останавливаюсь у самого стола. Я ему не служанка и не его подчиненная. И вообще-то, он должен встать в присутствии женщины и хозяйки дома. Но Вайтар даже не чешется.

— Ах это..., — делает вид, что совсем запамятовал. Ронется в груде бумаг, сваленных на углу. Не похоже, чтобы у него все было схвачено. Как-то бестолково работа ведется. Шейн никогда не позволял себе такой беспорядок на рабочем столе. — Пожалуйста.

Забираю бумагу и пробегаюсь глазами по строчкам. Текст максимально неинформативный:

«Леди Анабель Дорс!

Приглашаю вас для совместной трапезы в своем имении Быстрые Воды.

Брент Малвик»

— И это все? Не было никаких приписок, документов, ультиматумов?

Не могу понять — это шутка такая?

— Ничего, миледи. Потому и не спешил к вам с письмом. Мой вам совет — не сто́ит встречаться с лордом Малвиком.

— Я пока не спрашивала вашего мнения, — все еще сержусь за самоуправство. — И впредь вся корреспонденция, которая приходит на мое имя — должна попадать в мои руки немедленно.

Собираюсь уйти, но сенешаль дает знак слугам и нас оставляют наедине. Ну что ж, значит это не все. Вайтар все-таки решил расставить точки над «i»? Раздражаю его, должно быть. Не буду скрывать — это взаимно.

— Леди Анабель, вы, должно быть не понимаете, как обстоят дела на самом деле? — сенешаль встает из-за стола и проходит к окну. — Подойдите, я кое-что вам покажу.

Вздыхаю, но делаю. Пусть уж выскажется.

— Взгляните на горизонт. Что вы видите?

— Слева горы, справа — разлилась река, раскинулись поля. Стоят дома.

— А по центру?

— Не знаю, что это... Какое-то тёмное пятно.

— Это наши войска стоят. Палаточный городок, на случай если враги подойдут слишком близко к городу. И они уже не сидят по домам. Они там, за горами и реками, за деревьями. Притаились и ждут, пока мы сделаем хоть одну ошибку. Выжидают и выискивают наши слабые места. А вы, — Вайтар поворачивается ко мне лицом и бесцеремонно тычет паль-

цем, — именно такое слабое место. Я не знаю, что у вас в голове, не могу вам доверять. Я даже не уверен в том, что вы вернулись не для того, чтобы добить лорда.

— Вы в своем уме?! — срываюсь на крик. — Зачем мне его убивать? Вы же сами сказали, что лишь Шейн может признать Дэла наследником. Я как никто заинтересована в том, чтобы дракон очнулся.

— Это вы так говорите. А может готовите переворот? Может, из-за завесы придут эльфы и поддержат вас? Начнется кровопролитная битва. И самый логичный дальнейший ход — договориться с соседями-драконами.

— Сенешаль, вам надо было в сказители подаваться — у вас хорошо получается сочинять небылицы на ходу!

Прохожусь нервно вдоль зала. С одной стороны — я зла на Вайтара за его наглость и подозрения. А с другой — уважаю за честность. Это лучше, чем если бы он копил свои претензии у меня за спиной, обсуждая их с остальными.

— Я не знаю, как доказать вам, что мы на одной стороне, — выдаю после минутного раздумья. — К Шейну я не питаю никаких теплых чувств, и в этом виноват лишь он один. Но ради сына..., ради Делориана я на многое готова закрыть глаза. Ради его светлого и спокойного будущего. И нет, эльфы нам не помогут. Они никогда не выйдут наружу из-за своего защитного пузыря. Им нет дела до нас с Дэлом. Нас попросту выставили вон. Понимаете? Этот замок — наш единственный дом.

— Допустим, все так и есть, как вы говорите, — Вайтар возвращается за стол, — тогда, что думаете о приглашении? Собираетесь встретиться с Малвиком? Это может быть ловушкой. Вас убьют или будут держать в плену, как рычаг давления на нас. Но сразу скажу — никто не пойдёт вас спасать. Если отправитесь туда, вы сами по себе.

— Ничего другого я и не ожидала, — качаю головой с невеселой улыбкой на губах. — Но мы просто обязаны узнать о планах лорда Малвика, выслушать его. Он ведь ближайший наш сосед? И он нападет первым, я уверена.

— Да, непременно. Он захочет полюбоваться нашим больным лордом, посмеяться над его немощью. А потом повесит всех, кого сможет найти. Не стоит надеяться на его милость и снисхождение. Брент Малвик никогда не славился милосердием.

— Напишите ему, что я приеду завтра на ужин. Пусть ваши люди отправят ответ с птицей.

— Как скажите, леди Дорс, — нехотя соглашается Вайтар. На его лице четко отражается все, что он думает об этой затее.

— И еще кое-что. Вы поклянетесь мне здесь и сейчас, если я не вернусь — вы присмотрите за Дэлом. В случае опасности уведите его в лес. Он сможет выжить среди дикой природы, но ему не выжить в каменных стенах одному.

Вайтар долго-долго смотрит на меня, взвешивая всё. Конечно, он не обязан давать такое обещание, и уж тем более

— потом выполнять. Но мне так будет спокойнее. Все-таки внутреннее чутье подсказывает, что Вайтар не так уж и плох и у него имеются свои принципы.

— Клянусь, — наконец-то выдает с твердостью. — Обещаю присмотреть за Делорианом, как если бы заботился о внуке, которого не дали мне боги.

В душе поселяется некое подобие уверенности и покоя, после таких слов. Если Малвик окажется совсем уж нечестным и подлым (убить гостью, которую сам же и позвал!), то за Дэлом присмотрит Вайтар.

Ухожу прочь, но сенешаль окликает меня:

— Леди Дорс!

Притормаживаю на минуточку.

— Завтра наденьте свои лучшие наряды, украшения и все, что полагается по статусу. Говорят, лорд Малвик ценит женскую красоту. А красивой женщине, как известно, сложнее отказать. Может, он не станет убивать всех нас, если вы его очаруете.

— Спасибо за еще один непрошенный совет, — улыбаюсь на этот раз искренне, — но я не планирую его очаровывать. Лишь убедить, что в замке есть хозяин и на наши земли не стоит вторгаться без приглашения.

— Как знаете, как знаете.

Сенешаль утыкается в бумажки, а я наконец-то покидаю мрачный Малый зал. Пока не знаю, на что подписалась, но обязана увидеть этого дракона. От его решений зависит судь-

ба всех жителей замка. Но прежде всего — моего сына.

Глава 18

Поздно вечером, когда Дэл уже уснул и весь остальной замок погрузился в ночную тишину, я наконец-то уделяю внимание тому, чему собиралась. Выгружаю из тайника книги Линча. Я могла бы не таиться и читать их днём, но у меня столько дел каждый день, что попросту не доходят руки. Да и нужен полный покой, чтобы вникнуть в эти цифры.

Подкидываю дрова в камин, чтобы горел жарче, завариваю крепкий эльфийский чай для бодрости. А сама — кутаюсь в шаль и открываю первую, самую толстую книгу: «Учёт провианта и хозяйственных товаров».

Первые страницы выглядят аккуратно, почерк чёткий. Но чем дальше, тем больше страниц испещрено мелкими пометками на полях — сначала карандашом, потом чернилами, а кое-где — каким-то красным меловым карандашом, следы от которого можно стереть влажным пальцем. А вот и теневая бухгалтерия подъехала!

Внимательно вчитываюсь в каждую строчку, и параллельно открываю другой «томик» — «Расход и выдача провианта и хозяйственных товаров». У хорошего хозяйственника эти две книги должны сходиться. Или, по крайней мере, отчасти дублировать друг друга. Вот только что-то мне подсказывает, что расхождения будут и значительные.

«Месяц Ледяного Ветра»

Закуплено у купца Гаррета:

Мука пшеничная, высший сорт — 20 мешков. 2 золотых.

Соль каменная, белая — 5 бочонков. 3 золотых, 5 серебряных.

На полях красным: «Гаррет. 1 мешок муки, 1 бочонок соли. Кладовка №3 (задняя стена)».

Очень интересно! Выходит, Линч делал себе запасы. Нахожу похожую запись в книге расходов. И, как я и думала, выдано меньше, чем закуплено. Иду дальше, просматривая предыдущие месяцы.

«Месяц Спящего Мха»

Для нужд господской кухни:

Масло оливковое, импортное — 10 амфор. 8 золотых.

Шафран — 1 унция. 5 золотых.

Перец чёрный, горошком — 3 фунта. 2 золотых.

Дичь (фазаны, куропатки) — 20 туш. 3 золотых.

На полях стоит пометка красным, с восклицательным знаком: «Для лорда! Только лучшее!» А в книге выдачи и расходов отмечено другим почерком (видимо, повара): «Поступило: 7 амфор масла, 0.5 унции шафрана, 1.5 фунта перца, 8 тушек дичи. Остальное — констеблю по личному требованию».

Сердце начинает биться чаще от возмущения и злости. Ну, Линч! Читаю дальше:

«Месяц Первого Сокола»

Ткани для ливрей слуг:

Шерсть камвольная, синяя — 100 локтей. 15 золотых.

Лён тонкий, для рубах — 70 локтей. 7 золотых.

На полях красным, смазано, но читаемо: «Отсчитать 30 локтей шерсти, 20 льна. Склад у мельницы».

А в графе «Изготовлено и выдано» кривым почерком значится: «Ливреи для стражи главных ворот — 10 комплектов. Остальное — в резерве».

Резерв, значит. Какое удобное слово, чтобы прикрыть кражу. И это даже не жадность, у Линча тут своя система обогащения за счет дракона. Он закупал втридорога, откатывал себе часть товара, а потом списывал недостачу на «нужды лорда» или «резерв». Перехожу к последней записи, самой свежей.

«Месяц Пахоты» (текущий)

Ремонт покоев лорда Дорса (по указанию сенешаля Вайтара):

Воск для полов, душистый — 10 фунтов. 2 серебряных.

Масло для ламп, очищенное — 5 галлонов. 1 серебряный, 5 медяков.

Интересная математика выходит! Линч закупил материалы, якобы по просьбе Вайтара. И не просто так, а для уборки в комнате Шейна. Но как всем известно, ни о каком порядке там речь и не идет. Кстати, не забыть бы завтра... У Шейна действительно нужно перемыть пол. И найти этот злосчастный воск, если его вообще закупали.

Уже собираюсь захлопнуть книгу, так как картина более менее ясна, как из нее вылетает отдельный листочек, который был спрятан между страничек.

«Особые поручения. Констебль Линч, личный учёт»:

Плата молчания лекарям (трижды, разные мастера) — 15 золотых.

Оплата актёру из бродячей труппы за «выход в образе лорда» — 2 золотых в месяц.

Подкуп стражников у восточных ворот — 5 серебряных в месяц.

«На непредвиденные расходы по поддержанию имиджа» — 10 золотых.

Вот куда утекали настоящие деньги! И дело вовсе не в дорогом масле или ароматном воске для пола. Основной статьей расходов было и остается поддержание власти Шейна. Видимость его жизнедеятельности, если так можно назвать. И Линч, разумеется, наживался и на этом.

Откидываюсь на спинку стула, потягивая остывший чай. У меня на руках есть веские доказательства, чтобы вздернуть проворовавшегося констебля, вот только от этого никому не станет легче. Деньги не вернуться в казну, дракон — не откроет глаза. Линч — всего лишь мелкий воришка, пешка. Настоящая проблема куда глубже.

Слухи о болезни Шейна уже поползли по землям, соседи активизировались. Но они даже не подозревают насколько все плохо. Тот же Малвик, узнай он о реальном положении

дел, уже был бы у наших ворот. Но пока — он лишь приглашает на беседу. Опасно? Бесспорно. Но я должна разыграть все так, чтобы у соперника Шейна не осталось сомнений: дракон еще у власти. И это будет чертовски сложно.

Глава 19

Новый день начинается с того, что я... проспала. Наверное, сказалоcь напряжение последних нескольких дней и то, что вчера добралась до постели очень поздно.

Прислушиваюсь к тишине, царящей в комнате. Так тихо, спокойно. Но стоит лишь ступить за порог, как суета и водоворот дел затянут в свои сети. Удивительно, но Дэл тоже еще не встал.

— Делориан, пора просыпаться.

Провожу ладонью по одеялу. Никакой реакции.

— Дэл, мы проспали завтрак, — шутливо одергиваю одеяло, чтобы подразнить сына, но его... под ним не оказывается.

— Какого черта?!

Мгновенно оказываюсь на ногах. Дэл пропал! Под одеялом — подушки и одежда. Лежат так, чтобы можно было подумать, что он еще спит. Надеюсь, это всего лишь его шутка, а не что-то похуже.

Одеваюсь за рекордное время, волосы — просто заталкиваю под ворот платья, чтобы не падали на лицо.

— Делориан!

Выбегаю за дверь и зову его. Никакого ответа. Куда же он мог пойти?!

Спускаюсь на кухню, обхожу всю нижнюю часть замка.

Ничего. Служанки его не видели, кухарка — тоже. На душе становится все мрачнее. Куда делся мой сын?

Бегом добираюсь до ворот. Стражники прячутся на меня с недоумением. Наверное, я выгляжу как безумная ведьма с растрепанными космами, но это меньшее из того, что меня сейчас по-настоящему волнует.

— Вы видели моего сына? Делориана? Он выходил за ворота?

— Нет, леди Дорс. Но мы на посту всего полчаса. До этого здесь стояли другие.

Паника сжимает горло холодной рукой. Где он? Куда мог пойти десятилетний мальчик?

Вспоминаю про конюшню и псарню. Дэл любит животных. Он мог заскучать и пойти гулять. Да, он мог. Бегу в противоположную сторону, игнорируя удивленных слуг и стражей. Передо мной расступаются, когда влетаю в конюшню.

— Мальчик..., — задыхаюсь от бега. — Приходил сюда? Его зовут Делориан или мог представиться Дэлом.

Старший конюх пожимает недоуменно плечами, помощники утверждают, что с утра никого не видели.

— Спасибо, извините.

Выхожу наружу и прикрываю за собой ворота. Я готова разрыдаться. Его нигде нет! К псарне подхожу с четким ощущением, что и здесь сына не найду. Ожидаемо, Дэла никто не видел и там. Все, конец.

Остается только подняться к Вайтару и заявить о пропаже

наследника. Он не откажет в поисках. Я надеюсь на это.

Медленно поднимаюсь по ступеням. В висках неприятно пульсирует и отдает в ушах — бам, бам, бам. Как же так?! Как Дэл мог пропасть у меня из-под носа. Как я могла его потерять? Единственного, кого люблю. В глазах темнеет где-то между первым и вторым этажом. Если с ним что-то случилось, я этого не переживу.

Перед тем как найти Вайтара, еще раз захожу к нам в комнату. Вдруг..., вдруг Дэл вернулся? Просто прятался где-то, а мы разминулись. Бывает же такое.

Обманиваю себя, тешу надеждой. Хотя мозг не проведешь. Ядовитая мысль отравляет нутро: «Ты его потеряла. Дэла там нет».

Убеждаюсь в своей правоте и тихо всхлипываю от отчаяния. Мой сыночек...

И вдруг... слышу голос. Голос моего сына, словно изда-лека. Приглушенный.

Отдергиваю портьеры, драпирующие переход между по-коями Шейна и нашими. Дверь приоткрыта! И как я сразу не заметила. Конечно, он пошел посмотреть на отца, стоило этого ожидать. Боже мой, ну я и дура! Придумала бог весть что, решила — сына похитили недруги.

От облегчения и радости брызгают слезы из глаз. Поспешно стираю их и протискиваюсь в проем. Ступаю тихо, при-слушиваясь к голосу сына.

— ... там было очень хорошо. Много зелени, вкусные яго-

ды, особенно мне нравилась морошка. Правда, мама не разрешала ходить за ней в одиночку. Она постоянно думает, что я могу влипнуть в неприятности и вообще — еще маленький. Но это не так.

Тихо-тихо, стараясь не спугнуть сына, выглядываю из-за точно такой же драпировки в спальне мужа.

Дэл сидит на постели Шейна! И разговаривает с ним. Эта картина царапает душу где-то глубоко внутри. Мой мальчик сам нашел отца, сам пришел к нему. Горечь от того, что у Дэла нет нормального папы, полноценной семьи — подступает к горлу. Если бы это зависело только от меня... Но, увы. Дракону мы не были нужны тогда, и очень сомневаюсь, что стали бы сейчас. Хоть бы Шейн пришел в себя и просто пошел навстречу. Других наследников все равно у него нет, а он уже почти на том свете.

— Отец, я очень рад, что ты не умер. Все говорят, что я стану следующим лордом этих земель. Но... я не хочу. Можно я просто буду твоим сыном? Пожалуйста? Надеюсь, ты меня слышишь.

Прикрываю рот ладонью, чтобы случайно не выдать себя. Слезы стекают одна за другой от этого разрывающего мне сердце монолога. Мой мальчик! Мне очень, очень жаль...

— Я к тебе еще приду, хорошо? Кстати, ты выглядишь совсем не так плохо, как я думал. И чешуя..., она прикольная. Пока, пап, я побегу. Наверное, мама меня ужехватила. А я вместо себя в кровати оставил обманку.

Дэл смеется и машет на прощание неподвижному Шейну рукой. А затем направляется в мою сторону. Спыхватываюсь и пячусь назад. Пусть Дэл пока не знает, что я все видела. Захочет — сам расскажет.

Выбираюсь из лаза и отхожу к тазу с водой. Пытаюсь успокоиться и заодно — привести себя в порядок. Шумно умываюсь, плещусь, прислушиваясь к звукам извне. Хлопает дверь. Дэл на месте.

Вытираю лицо и оборачиваюсь. Дэлориан делает вид, что только что зашел в покои.

— И где же ты был, молодой человек? Я уж успела испугаться, — напускаю на себя сердитый вид. Это лучше, чем стоять зареванной перед сыном.

— Мамочка, прости. Я просто гулял по замку, — Дэл делает честные глаза, а сам — стремительно краснеет. Врать он не умеет, но на этот раз я позволяю. Пожалуй, мы пока оба не готовы к разговору.

— Не делай так больше, пожалуйста. Если куда-то уходишь — оставь мне записку, чтобы я не волновалась. Хорошо? Представляешь, я обнимаю тебя, собираюсь пощекотать. А там, — указываю на кровать, — всего лишь подушки. Что мне было думать? Я уж решила, что тебя похитили.

Делориан смеется, искренне и громко:

— Кому же я нужен? Похищать. Я всего лишь ребенок.

— Не простой ребенок, — хочу указать на его родство с лордом и важность для всего замка, но потом вспоминаю

слова Дэла и говорю совсем другое. — Ты мой ребенок и для меня нет ничего дороже на свете. Ты — моя драгоценность, понимаешь?

Делориан порывисто обнимает меня и вдруг признается: быстро, горячно, сбивчивым шепотом:

— Я видел его..., отца. Говорил с ним... Это плохо? Ты будешь ругаться, ма?

Обнимаю в ответ так крепко, что Дэл ойкает.

— Нет, я не ругаюсь. Ты можешь приходить к отцу тогда, когда пожелаешь. Только не сбегай от меня больше втихаря.

— Хорошо, я не буду, — обещает, и, как все дети, быстро переключается на насущное, — а кушать пойдем? Я бы съел сейчас целую куропатку.

— Пойдем, конечно. Только почисть свои штаны от паутины.

Подталкиваю сына к нашей маленькой ванной, давая себе минутку. Все позади, Дэл в порядке, никуда не исчез. И видел Шейна. Пока не знаю, как к этому относится, но на фоне всех переживаний — незапланированная встреча сына с отцом не кажется такой уж ужасной. Это все равно произошло бы рано или поздно. Теперь Делориан знает, что дракон имеет вполне себе человеческий вид. И этот дракон — его отец.

В пустой, и все еще слишком пыльной и грязной комнате лежит худой мужчина. Некогда блистательный и могуще-

ственный лорд Шейн Дорс. Раньше одно только его имя навело страх на местных жителей. Когда-то.

Сейчас же он в одиночестве рвет жилы, напрягается, чтобы подать знак, что-то сказать. Но тело не слушается. Даже глаза... Эти проклятые веки не желают смыкаться. Он может смотреть лишь в одну точку. В то время как рядом с ним... сидит и болтает его сын.

«Делориан. Делориан, Делориан, Делориан...»

Его имя он повторяет про себя как одержимый.

«Делориан!»

Мальчишка уходит, рассмеявшись на прощание и пообещав еще прийти. Шейн рычит, кричит, бьется в агонии.

«Не уходи, Делориан! Не оставляй меня одного!».

Но он все же уходит. И вдруг взгляд лорда смещается чуть ниже. Совсем немного, буквально на сантиметр, но это впервые за последние годы.

Главу от Шейна хотим?)) Думаю, пора заглянуть в мысли драконьего лорда. Оставайтесь с героями, дальше все самое интересное.

Глава 20

Шейн Дорс

Получилось! Бездна раздери! У меня получилось...

Расслабляюсь, так как все силы ушли на это крохотное движение глазного яблока. Невероятно! Сколько ни пытался ранее, сколько не напрягался — все было в пустую. Но сегодня, увидев своего сына, что-то изменилось. То, что Делориан мой — без сомнений. И дело даже не в нашей с ним схожести, которую трудно игнорировать. Я чувствую в нем родную душу, вижу отражение себя: в мимолетной улыбке, в том, как морщит брови или поводит плечами. Делориан — будущее этого дома, но я даже не могу назвать его сыном!

Анабель зовет его «Дэл»,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.